

ЯЗЫКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В трех томах

I
А-И

МОСКВА «НАУКА» 1997

АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Абазинский язык (*абáза бызшvá*) вместе с абхазским составляет абхазско-абазинскую подгруппу абхазско-адыгской группы (см. *Абхазско-адыгские языки*) кавказских (иберийско-кавказских) языков.

По данным переписи 1989 г., абазин насчитывалось 33613 чел., из них родным языком его называли 93,4%.

В основном абазинны проживают в Карачаево-Черкесской Республике (РФ). Абазинские аулы располагаются по басс. р. Кубань (и по ее притокам Б. и М. Зеленчуку) и р. Кума. Крупная колония абазин — ок. 15 тыс. чел., находится в Турции, куда они попали в результате массовой эмиграции сев.-кавказских народов в ходе Кавказской войны. Общее число абазин как в России, так и за рубежом составляет ок. 50 тыс. чел.

В Карачаево-Черкессии А.я. преподается в начальной школе, изучается в Карачаевском пед. ин-те. На А.я. издается обл. газета, художественная, публицистическая и детская литература, ведутся передачи обл. радио. Большая часть абазин, помимо родного языка, владеет русским, а также черкесским диалектом кабардинского языка.

Письменность на основе латинской графики была создана в 1932 г., в 1938 г. она была переведена на русскую (кириллическую) графику: а, б, в, г, гв, гъ, гъв, гъь, гь, гI, гIв, д, дж, джь, джв, дз, е, ж, жь, жв, з, и, й, к, кв, къ, къв, къь, кь, кI, кIв, кIь, л, ль, м, н, о, п, пI, р, с, т, тл, тш, тI, у, ф, фI, х, хв, хъ, хъв, хъ, хI, хIв, ц, цI, ч, чв, чI, чIв, ш, шв, шI, щ, ь, ы, ь, э, ю, я, I (ю, я употребляют-ся в заимствованиях из русского языка). В отличие от абхазской письменности, также созданной на основе кириллицы, в абазинском алфавите, как и в алфавитах других письменных сев.-кавказских языков, имеется лишь одна графема, отсутствующая в русском алфавите, — знак I, служащий для маркировки глоттализации (mI, kI, цI; сочетания xI и gI

обозначают соответственно глухой и звонкий эмфатизованные ларингальные спиранты). Лабиализация и палатализация передаются графемами в и ь. Исключение составляют мягкие шипящие аффрикаты ч, чI, твердые корреляты которых передаются сочетаниями тш и шI; для обозначения мягкого глухого шипящего спиранта используется графема щ. Помимо диграфов, абазинский алфавит включает и триграфы: джв, джь, къв, къь, кIв, кIь, хIв, чIв.

Диалектной базой лит. А.я. является тапантский (абаз. *mIanIánma*) диалект, наиболее обособленный из всех абхазско-абазинских наречий. Существенным для выбора диалектной базы явилось численное преобладание носителей тапантского диалекта; к этому же диалекту принадлежала и речь одного из создателей алфавита, автора первых букварей, учебников, лит. произведений, заложившего основы лит. А.я., Т.З. Табулова. Важную роль в совершенствовании лит. языка и в развитии его функциональных стилей сыграла деятельность таких писателей, как Б.Тхайцухов, П.Цеков, К.Джегутанов, М.Чикатуев, М.Тлябичева и др. Молодая абазинская литература питалась языком и мотивами абазинского фольклора — нартского эпоса, сказок, историко-героических преданий, юмористическо-назидательных историй.

На динамику исторического развития А.я. оказали влияние два основных фактора. Первый из них связан с тем, что в средневековые предки абазин проживали на терр. совр. Абхазии и прилегающих к ней областей, составляя с абхазами этнокультурное и языковое единство. В дальнейшем (ок. XIII–XIV вв.) отдельные абхазоязычные племена, перевалив через Главный Кавказский хр., спустились на богатые земли и пастбища сев.-кавказских равнин, опустевших после разгрома алан монголами, и основали там свои поселения. Это были предки совр. носителей тапантского диалекта. До сих пор не вполне ясно, из каких именно областей переселялись эти первые мигранты. Сложилось мнение, что первоначально они проживали на терр. Сев.-Зап. Абхазии. Анализ лексики картвельского происхождения, имеющейся в тапантском диалекте, показывает, что в формировании тапантской группы абазин могли принимать участие и выходцы из Юж. Абхазии. Процесс переселения туда племен ашхарцев (т.е. «горцев»), населявших до того горные районы Абхазии, завершился в XVII–XIX вв. Другим важней-

2 АБАЗ шим обстоятельством является значительное влияние на обе этнические группы абазин со стороны языка и культуры соседствующих с ними носителей черкесского диалекта кабардинского языка. Совокупность этих двух факторов – ближайшее этноязыковое родство с абхазами, а также влияние кабардино-черкесского языка и культуры, – и определило своеобразие языка и культурно-этнографического облика совр. абазин.

А.я. представляет собой совокупность двух диалектных групп – тапантской и ашхарской, причем ашхарский диалект в целом ближе к абхазским наречиям, что вполне объяснимо ввиду относительно недавнего отделения ашхарцев от носителей закавказских диалектов. Ашхарский диалект можно считать своеобразной переходной зоной между собств. абхазскими и тапантским наречиями, он испытывает все возрастающее влияние со стороны лит. А.я. Определенное влияние оказали на него также черкесские говоры. Носители тапантского диалекта проживают в аулах Эльбурган, Псыж, Красный Восток (абаз. *Гвымлокт*), Кубина, Койдан, Инджик-Чкун, Карапаго, Псаучэ-Дахэ, Абазакт, Абазахабль. В ауле Псаучэ-Дахэ тапантцы проживают совместно с черкесами, а в Абазакте помимо тапантцев и черкесов живут также ашхарцы. Представители ашхарского диалекта населяют аулы Старокувинский, Новокувинский и Апсуа. В каждом диалекте выделяют по два говора: кубино-эльбурганский и красновосточный – в тапантском, кувинский и апсуйский – в ашхарском. Если между двумя из тапантских говоров различия носят в основном фонетический характер, то между кувинским и апсуйским, помимо фонетических, отмечаются и некоторые морфологические различия. Основной чертой, позволяющей дифференцировать говоры тапантского диалекта, является (помимо некоторых особенностей лексики) различная рефлексация праабхазских огубленных сибилантов и переднеязычных смычных. Во всех тапантских говорах праабхазские *d°, *t°, *t' слились с огубленными аффрикатами, которые в некоторых говорах подверглись затем делабиализации. В части говоров произошло смешение огубленных свистящих сibilантов с шипящими, а также их делабиализация. В ашхарском диалекте также ощутима тенденция к делабиализации огубленных переднеязычных – лабиальный фокус утратили огубленные зубные смычные. Чертой, сближающей ашхарский и абжуйский

диалекты А.я., является наличие глоттализованного спиранта *ɸl* (в слове *ɸla* 'тонкий'). Своеобразно в говорах ашхарского диалекта и образование форм статических и динамических глаголов, ср. в апсуйском говоре опущение показателя финитности в динамических глаголах: *дцее* 'он ушел' – тап. *дца-д* и абх. *дцеи-т*.

Первые фиксации абазинского лингвистического материала были осуществлены в XVIII в. И.А.Гюльденшtedтом, а затем в нач. XIX в. Ю.Клапротом. Некоторое количество абазинских слов в сравнении с абхазским языком было опубликовано в 1929 г. С.Басария. Затем А.я. изучался такими учеными, как А.Н.Генко, К.Боуда, К.Ломтатидзе, Г.П.Сердюченко, Т.З.Табулов, У.С.Аллен и другими.

Основные центры по изучению А.я. – Карачаево-Черкесский НИИ (Черкесск), Карачаевский пед. ин-т (Карачаевск), Абхазский ин-т языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа и Абхазский университет (Сухуми). Широко известны такие исследователи А.я., как Н.Т.Табулова, Р.Н.Клычев, С.Х.Ионова, С.Амичба, Л.Чкадуа, В.Конджария, а также К.Ломтатидзе (Ин-т языкознания АН Грузии), А.К.Шагиров, М.А.Кумахов (Ин-т языкознания РАН), зарубежные лингвисты: Дж.Хьюитт (Великобритания), В.Люкassen (Нидерланды), Дж.Коларуссо (Канада) и другие.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Фонетика. А.я. обладает богатой системой консонантизма и минимально развернутой системой вокализма. Согласные могут быть простыми, лабиализованными и палатализованными. В области поствелярных характерно наличие звонкого и глухого эмфатизованных ларингальных (*ɣl*, *xl*), имеющих и огубленные корреляты (*ɣlv*, *xlv*), а также увулярных смычных, лишенных звонких коррелятов (*xʷ*, *xʷv*, *kʷ*, *kʷv*, *kʷʷ*) и гортанной смычки *ʕ*, отсутствующей в ашхарском диалекте. Последний характеризуется наличием глоттализованного спиранта *ɸl*. Усвоенные из адыгских языков велярные спиранты *xʷ*, *xʷv*, встречающиеся в адыгских заимствованиях и выражаемые посредством графем *x*, *xv*, на слух производят впечатление палатализованных или даже палатальных спирантов. Из адыгских языков заимствованы также спиранты *l* и *lv* (на письме соответственно *ль* и *тл*). Артикуляция латеральных не отличается единообразием. Так, помимо более или менее точного ко-

пирования глухого латерального нередок и такой его фонетический вариант, как палатальный [ç] – аналог немецкого *ich-Laut'a*. Звонкий латеральный спирент передается через посредство смягченного сонорного *ль*, отсутствующего в исконной системе. Редкой фонемой является спирент *в*, встречающийся лишь в заимствованиях и в некоторых звукоподражательных словах.

Согласные фонемы: 1) смычные: *б—п—пI*; *д—т—тI*; *г—к—кI*; *гь—кь—кIь*; *гв—кв—кIв*; *хь—хьв*; *кь—кьь—кььв*; *ъ*; 2) аффрикаты: *дз—ц—цI*; *дж—тш—шI*; *джь—ч—чI*; *джв—чв—чIв*; 3) спиранты: *в—ф*; *з—с*; *ж—ш*; *жь—щ*; *жв—шв*; (*тл*; *х—хв*); *гь—х*; *гьь—хь*; *гьв—хв*; *гI—хI*; *гIв—хIв*; 4) сонорные: *у*, *м*, *н*, *р*, *л* (*ль*), *й*. Таким образом, инвентарь исконных согласных лит. А.я. включает 58 фонем (или 59, если считать и встречающийся лишь на периферии системы спирент *в*) плюс четыре согласные, заимствованные из адыгских языков, итого – 63 единицы.

Инвентарь гласных фонем максимально прост и включает две фонемы, противопоставленные по степени открытости, – более открытое *а* и более закрытое *ы*. Хотя в ряде случаев наличие *ы* в слове носит факультативный характер, его фонемный статус не подлежит сомнению. Гласные *е*, *и*, *у*, *о* лишены фонемного статуса и появляются в результате контакта *а—й* (в дифтонге *ай > ей*), *ы—й* (в дифтонгах *ый*, *йы > и*); наличие *о* обязано стяжению дифтонга *ау (> о, оу)*, *у—* стяжению дифтонгов *уы*, *уу*. Названные гласные, кроме того, встречаются в заимствованиях. Дифтонгов, имеющих фонемную значимость, нет.

Ударение в А.я. разноместное, динамическое. В многосложных словах, помимо главного, имеется и второстепенное ударение. В говорах тапантского диалекта обнаружены значимые тональные противопоставления.

Слог. Сочетания гласных не характерны. Комплексы согласных в пределах морфемы в исконных словах не очень распространены. Обычны биконсонантные сочетания: *бра* 'волосы', *псы* 'душа', *мца* 'огонь', несколько реже встречаются трехконсонантные комплексы: *пслачва* 'рыба', *псыргла* 'наковальня', *пхты* 'чесоточный'. Как и в абхазском, трех- и четырехконсонантные комплексы в пределах основы, как правило, морфологически производны: *пс-ла-чва* 'рыба', *пх-дзы* 'пот', *пс-тхIва* 'туча'. Часть трехконсонантных сочетаний возникла в результате геминии одного из корневых согласных для выражения значе-

ния экспрессивности: *псса-ра* 'строгать', *птитшы* 'осколки, черепки' (< *птитш-ра* 'ломать, разбивать'), *пхха-ра* 'очищать'.

II. Морфология. А.я. является агглютинативным. Словоформа обычно представляет собой цепочку «склеенных» в определенном порядке морфем, каждая из которых наделена собственным, как правило, одним, значением. Морфемы разделяются на корневые и аффиксальные, а последние – на словообразовательные и словоизменятельные. Словоформа может состоять из одной (*тшы* 'лошадь', *псы* 'душа') и более морфем, причем глагольные словоформы отличаются более сложным составом (до 10–11 элементов), чем именные. Для глагольных корней типична структура СГ (*га* 'брат', *ца* 'идти'), реже С (*кI* 'брат', *ж* 'копать'), ССГ (*чпа* 'делать', *цхIа* 'кусать(ся)'). Структурные модели именных корней более разнообразны: СГ (*дзы* 'вода', *хъа* 'голова'), ССГ (*бна* 'лес', *пша* 'ветер'), СГСГ (*мара* 'солнце', *бага* 'лиса'), СГСГС (*кIахIан* 'орех'), ССГС (*кььбыр* 'комар'), СССГС (*чкIламс* 'муравей'). Доминируют структурные модели корневой морфемы являются СГ и С(Г)СГ. Более сложные структуры – либо исторически производные, либо заимствования. Строение абазинской словоформы в целом аналогично абхазской. Аффиксальные морфемы могут занимать как предкорневую (префиксы), так и посткорневую позиции (суффиксы).

Выделяются части речи: глагол, имя существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, служебные слова.

Глагол занимает центральное место в морфологической системе. Именные же категории развиты относительно слабо. Глагол характеризуют различие классов переходных и непереходных, статических и динамических глаголов, финитных и инфинитных форм.

Статические глаголы, выражающие состояние, лишены целого ряда видо-временных форм, присущих динамическим. Динамический глагол различает восемь времен: одно

Формы времен статического глагола
а-мазла-ра 'иметь'

	Финитные	Инфинитные
Наст.	<i>йысыманI</i> 'то у меня есть'	<i>йысымау</i> 'то, что у меня есть'
Прош.	<i>йысыман</i>	<i>йысымаз</i>
неопред.	'то у меня было'	'то, что я имел'

настоящее, пять прошедших и два будущих. В качестве основы статического глагола помимо собственных глагольных может выступать и любая именная основа: *цла* 'дерево' – *цлапI* 'это есть дерево'; *квайчIва* 'черный' – *квайчIвазлара* 'быть черным', *квайчIвахара* 'чернеть'. Переходными могут быть только динамические глаголы, тогда как все статические и часть динамических глаголов являются непереходными. Принимающие только показатель субъекта одноличные глаголы всегда непереходны: *д-цатI* 'он пошел', *с-гылапI* 'я стою'. Многоличные глаголы содержат показатель субъекта и объекта и могут быть как переходными, так и непереходными: *йы-гла-са-й-хIвтI* 'то мне он сказал' – переходный глагол *хIва-ра* 'говорить'; *д-сы-хIвтI* 'он(а) меня просит' – непереходный глагол *хIви-ра* 'просить'.

Формы времен динамического глагола
ца-ра 'идти' в 1-м л. ед. числа

	Финитные	Инфинитные
Наст.	<i>сцыйтI</i> 'я иду'	<i>сышцауа</i> 'как я иду'
Аорист	<i>сцатI</i>	<i>сышца</i>
Перф.	<i>сцахьатI</i>	<i>сышцахьу</i>
Прош. неопред.	<i>сцан</i>	<i>сышцаз</i>
Имперф.	<i>сцун</i>	<i>сышцуз</i>
Плюсквамперф.	<i>сцахъан</i>	<i>сышцахъаз</i>
Буд. I	<i>сцанI</i>	<i>сышцара//</i> <i>сышцалакIггы</i>
Буд. II	<i>сцуштI</i>	<i>сышцауаш//</i> <i>сышцуш</i>

В зависимости от переходности—непереходности глагола употребляются две парадигмы спряжения, которым соответствуют две серии классно-личных показателей. Этимологи-

Спряжение динамического глагола *ца-ра* 'идти'

<i>сара</i>	<i>с-цы-йтI</i>	'я иду'
<i>уара</i>	<i>уы-цы-йтI</i>	'ты (муж.) идешь'
<i>бара</i>	<i>б-цы-йтI</i>	'ты (жен.) идешь'
<i>йара</i>	<i>д-цы-йтI</i>	'он (муж.) идет'
<i>лара</i>	<i>д-цы-йтI</i>	'она (жен.) идет'
<i>йара</i>	<i>йы-цы-йтI</i>	'он/она/оно (нечел.) идет'
<i>хIара</i>	<i>хI-цы-йтI</i>	'мы идем'
<i>швара</i>	<i>шв-цы-йтI</i>	'вы идете'
<i>дара</i>	<i>йы-цы-йтI</i>	'они идут'

Спряжение двухличного переходного глагола
кI-ра 'держат' в 1-м л. ед. числа

<i>сара</i>	<i>уара</i>	<i>уы-с-кIы-йтI</i>	'я тебя (муж.) держу'
<i>сара</i>	<i>бара</i>	<i>бы-с-кIы-йтI</i>	'я тебя (жен.) держу'
<i>сара</i>	<i>йара</i>	<i>ды-с-кIы-йтI</i>	'я его (муж.) держу'
<i>сара</i>	<i>лара</i>	<i>ды-с-кIы-йтI</i>	'я ее (жен.) держу'
<i>сара</i>	<i>йара</i>	<i>йы-с-кIы-йтI</i>	'я то (нечел.) держу'
<i>сара</i>	<i>швара</i>	<i>швы-с-кIы-йтI</i>	'я вас держу'
<i>сара</i>	<i>дара</i>	<i>йы-с-кIы-йтI</i>	'я их держу' и т.д.

чески показатели 1-го и 2-го лица тождественны соответствующим классно-личным местоимениям.

Как и в абхазском, в А.я. классно-личные префиксы перед начальным звонким согласным переходного глагола озвончаются: *йы-з(<с>-гы-йтI* 'то я несу' – *йы-с-фы-йтI* 'то я ем'. Порядок их расположения в переходном глаголе отличен от расположения в непереходном (см. ниже). Помимо переходных и непереходных выделяется группа лабильных глаголов, которые в зависимости от наличия или отсутствия в предложении прямого объекта имеют переходное и непереходное употребление: *с-п-къы-йтI* 'я рублю//занимаюсь рубкой' – *йы-п-с-къы-йтI* 'то я рублю'. Все глаголы обладают финитными формами (выражают законченность, замкнутость предложения) (стат. *йысыманI* 'то у меня есть', дин. *сцыйтI* 'я иду') и инфинитными (выражают незаконченность, незамкнутость предложения) (стат. *йымау* 'то, что у него есть', дин. *йыцауа* 'тот, кто идет').

Наклонения абазинского глагола представляют собой сложную систему: изъявительное (*сцыйтI* 'я иду'), вопросительное (*сцама* 'ходил ли я'), отрицательное (*сыгыцум* 'я не иду'), повелительное (*уца* 'ты (муж.) иди!'), потенциалис (*сыгычыIвум* 'я не могу сесть'), версии (субъектн. *йышвысцIыйтI* 'то я на себя надеваю'; объектн. *йылзы-йгыйтI* 'то для нее он несет'), желательное (*дыйбандаз* 'увидел бы он ее!'), ирреалис (*дыйбауашва* 'как будто бы он ее видит'), допускательное (*дцаргIатI* 'пусть он пойдет'), сослагательное (*сцарыквын* 'если я пойду', *йысымазтын* 'если то у меня есть'), условно-целевое (*сцарныс* 'чтобы я пошел'), совместности (*хIацынхыйтI* 'мы вместе работаем'), побудительности, или каузатив (*йылсрыфыйтI* 'то я заставил ее съесть'), обоюдности (*хIабадырыйтI* 'мы познакомились друг с другом'), произвольности (*йысымхъахIватI* 'то я невольно сказал').

Отглагольными образованиями являются причастия, деепричастия и масдар, причем первые два по форме являются инфинитивными. Различаются субъектные (*йычIвыу* 'сидящий', *йы-* — показ. субъекта) и объектные причастия (*йырфауа* 'то, что они едят'). Показатель *з-* служит для выражения лица субъекта или косвенного объекта в причастиях, образованных от переходных глаголов (*йызфаз* 'тот, кто это съел'), в причастиях же, образованных от непереходных глаголов, — только косвенного объекта (*сызцыз* 'с кем я пошел'). Для причастий характерны как ряд глагольных (изменение по лицам, различение времен, наличие категории каузатива, потенциализа, взаимности, версии и т.д.), так и именных черт (например, образование степеней сравнения). Деепричастия могут быть образованы от чистой основы глаголов (*йысыма* 'то я имею' — основа *ма-* 'иметь'), либо с помощью суффиксов *-уа* (только для динамич. глаголов: *сцауа* 'я идя'), *-та* < *щта* (*счIвата* 'я сев'), *-м-кIва* (*сымцакIва* 'я не пойдя'); возможно также сочетание двух деепричастных суффиксов: *тшызкIваба-уа-та* 'я купаюсь'. Деепричастия могут быть образованы и от финитных форм: *йыталайтI-та* 'то внутрь войдя'. Деепричастиям, как и глаголам, могут быть приданы аффиксы каузатива, версии, совместности и т.д.

Формальным показателем масдарной формы служит суффикс *-ра* (*гыл-ра* 'стоять//стояние'), он идентичен суффиксу абстрактных имен (*бжьа-ра* 'пространство'). Часть статичных отыменных либо отпревербных глаголов образует масдарную форму при помощи суффикса *-за-ра* (*бза-зара* 'существовать'), либо *-зла-ра* (*аквы-злара* 'быть, находиться'). Масдар совмещает ряд именных черт (посессивность, определенность—неопределенность) с некоторыми чертами, присущими глаголу (каузативностью, союзностью, версией и др.).

Имя существительное как в А.я., так и в абхазском, характеризуется категорией грамматических классов: человека (люди, божества) и нечеловека (животные, явления природы, вещи). Эта категория манифестируется в таких частях речи, как глагол, местоимение, числительное. В категории определенности—неопределенности различаются три формы имени: неопределенная (*тдзы* 'дом'), единичности (*тдзы-кI* 'некий один дом') и определенная (*а-тдзы* 'определенный дом'). Форма мн. числа образуется специальными аффиксами: *-ква* (*абазаква* 'абазины'), *-(p)gla* (*уаgla* 'люди', *чкIвынргIа* 'молодежь'), *-ра*

(*хIвы-с* 'теленки' — *хIва-ра* 'телята'), *-чва* (*анчва* 'матери'). Возможно также сочетание суффиксов мн. числа: *хьацIа* 'мужчина' — мн. число *хьа-чва-ква*; *хIвыс* 'теленки' — мн. число *а-хIва-ра-ква*. Суффиксы *-чва* и *-(p)gla* обслуживают имена, относящиеся к классу человека, тогда как *-ква* и *-ра* характерны для обоих классов. Посессивные отношения выражаются с помощью притяжательных префиксов, которым также присуще различие по классам.

Некоторыми специалистами в А.я. выделяются падежи, такие как орудный (*кIвагъа-ла* 'топором'), превратительный (*мурад-та* 'целью'), лишительный (*щанIы-да* 'без ног'), однако мнение о наличии здесь падежей разделяется не всеми. Есть приименные послелоги: *-дза* 'до', *-хъаз* (+ *ла*) 'для', *-пны* 'около, подле' и др.

Прилагательные подразделяются на качественные и относительные. Качественные образуют степени сравнения: *къапы* 'красный' — *рахIа къапы* 'краснее' — *къапыдза* 'очень красный'. В отличие от качественных прилагательных, занимающих препозицию по отношению к определяемому слову, относительные прилагательные ставятся после него: *гIв бзий* 'хороший человек' — *мышI рачва* 'уголь древесный'.

Наречия делятся на определительные и обстоятельственные. Определительные подразделяются на качественные (*цхъата* 'чисто'), количественные и степени (*щарда* 'много'). Обстоятельственные наречия, в свою очередь, подразделяются на наречия времени, места и направления, цели и причины, образа действия. Подобно прилагательным, качественные наречия образуют степени сравнения.

Система счета в А.я. двадцатичная. Для числительных характерно классное согласование. Числительные, относящиеся к классу нечеловека, получают формант *-ба/-на* (*гIваба* 'два', *хIа* 'три', *пцба* 'четыре', *хьба* 'пять', *цба* 'шесть', *бжьба* 'семь', *агIба* 'восемь', *жвба* 'девять', *жваба* 'десять'), который отсутствует при счете свыше «десяти» (*жвиз* 'одиннадцать', *жвыгIв* 'двенадцать') и вновь появляется в числительных свыше «двадцати одного» — *гIважвий гIваба* 'двадцать два' ('двадцать-и-два'), *гIважвий хьба* 'двадцать пять'. Образование числительного «один» нерегулярно: *за-кIы* 'один' (нечел.) — *за-джвы* 'один' (чел.). В классе человека числительное «два» принимает суффикс *-джь* (*гIвыджь* 'два'), числительное «три» — суффикс *-уы*

(хуы), а последующие числительные – суффикс *-гIвы* (*гIвы* 'человек' – *цIгIвы* 'шесть'). «Сто» в классе нечеловека – *шв-кIы*, в классе человека – *шв-гIвы*; «тысяча», соответственно, – *зкь* и *зыкь-гIвы*; «две тысячи» – *гIвы-н-зыкь*, «десять тысяч» – *жва-н-зыкь*. Структура числительных после «десяти»: *жвы-й-з//жвы-й-зы-гIв* 'одиннадцать' ('десять-и-один'), *жвы-гIв//жвыгIв-гIв* 'двенадцать', *гIва-жва//гIва-жва-гIв* 'двадцать' ('два + десять'). Числительные «сорок», «шестьдесят» и «восемьдесят» образуются по модели: «два/три/четыре» + суффикс кратности *н* + «двадцать»: *гIвы-н-гIважва(-гIв)* 'сорок'. Все числительные подразделяются на количественные (*хна* 'три'), порядковые (*йызакIхауа* 'первый'), разделительные (*закIы-закI* 'по одному'), дробные (*хна йычпата азакIы* 'одна треть', букв. 'три сделав одним'), собирательные (*агIвыджьгый* 'оба человека'), приближительные (*хвгIвы-цыгIв рагара* 'около пяти-шести человек'), кратные (*з-ны* 'раз', *шв-ны* 'сто раз').

Местоимения можно разделить на разряды: личные, притяжательные, вопросительные, указательные, определительные, неопределенные, отрицательные. Личные местоимения во 2-м и 3-м лице различают грамматические классы: *сара* 'я', *бара* 'ты (жен.)', *уара* 'ты (муж.)', 'ты (нечел.)', *лара* 'она (жен.)', *йара* 'он (муж.)', 'он, оно (нечел.)', *хIара* 'мы', *швара* 'вы', *дара* 'они'. Личные местоимения имеют краткую форму: *са* 'я', *уа* 'ты (муж.)', *ба* 'ты (жен.)', *йа* 'он (муж.)', *ла* 'она (жен.)', *уIа* 'мы', *шва* 'вы'. Притяжательные местоимения образуются путем присоединения к краткой форме личного местоимения относительного суффикса *-чIвы*: (*сара*) *с-чIвы* 'мой', (*бара*) *бчIвы* 'твой (жен.)'. Другие виды местоимений: вопросительные (*зачIвыйа* 'что?' – нечел., *дзачIвыйа* 'кто?' – чел.), указательные (*ара* 'этот', *ана* 'тот'), определительные (*дасыу* 'каждый'), неопределенные (*закIы* 'нечто'), отрицательные (*закIгьы* 'ничто'). Согласование по классу присуще большинству местоимений А.я., равно как и категории числа: *арый* 'этот' – *арат* 'эти'; *абарый* 'это' – *абарат* 'те'.

Служебные слова представлены послелогом, которые выражают пространственные (*апны* 'в', *хъахъ* 'вверху'), временные (*агIан* 'во время', *амшьтахъ* 'после') и некоторые другие отношения (*ахъазла* 'для', *датша* 'кроме', *атарала* 'вместо'); союзами, среди них следует назвать противительные (*ауаса*,

ма 'но, однако'), сочинительный (*йыгый* 'и'), разделительные (*йа*, *момкIва* 'или'), причины (*ауый ахъазла* 'потому что'), следствия (*уажыргIвана* 'затем, потом'); частицами, которые передают утвердительные значения (*шьта//та* 'да'), определительные (*-дза* 'именно, точно'), отрицательные (*момо* 'нет'), вопросительные (*ма* 'ли', *щта* 'ну'), усилительные (*бырг*, *надзара* 'даже'); междометиями, выражающими разнообразные эмоции (*ах*, *ай*, *ахIы*, *ыы*, *хIайт*).

На грани между междометиями и самостоятельными словами стоят дескриптивы, представляющие собой звукоподражательные, или звукоименные, слова (*ацIхи* – подражание чиху, *пIарпIар* – звукоизображение болтовни, *хIар-хIар-хIар-хIа* – воспроизведение смеха).

III. Словообразование. Глаголы образуются по нескольким моделям: простая основа, сложение основ, преверб + основа, преверб + основа + расширитель корня. Простая основа состоит обычно из одного или двух сегментов (*кI* 'держат', *ца* 'идти'), хотя возможны и иные структуры (*гъыз* 'стонать', *пырх* 'храпеть', *пIамIау* 'шевелиться' и др.). Выделяются следующие типы сложения основ – именная основа + глагольная основа (*гвы-с-ра* 'тяжело дышать', букв. 'сердце бить//бие'), глагольная основа + глагольная основа (*напшы-гIапшыра* 'осматриваться', букв. 'туда смотреть – сюда смотреть'); к последнему типу примыкают редуцированные образования вроде *цIыр-цIыр-ра* 'пищать', *цIба-цIба-ра* 'критиковать' (лит. произведение). Более обычным является превербное глаголообразование типа: преверб + основа (*ны-жь-ра* 'оставлять', *та-пса-ра* 'насыпать (внутри)') и преверб + глагольная основа + расширитель корня (*цI-бах-гIа-ра* 'подсыхать', *на + д-сыл-ра* 'прикасаться к чему-л.'). Менее продуктивной является модель: основа + расширитель корня (*пш-гIа-ра* 'искать', *цI-гIа-ра* 'спрашивать'). Встречаются и сложные превербы: *джвы + л-ца-ра* 'выгонять', *та + п-тиш-ра* 'разбивать внутри'. Часть глагольных корней без превербов не употребляется (*ла* 'идти', *х* 'снимать'). Отыменные и отпревербные глаголы образуют масдарную форму с помощью суффикса *-з + ла*, либо превратительного суффикса *-ха* (в последнем случае стат. глагол становится дин.): *згIвада-зла-ра* 'быть здоровым', *бжьа-зла-ра* 'быть между', *цIай-ха-ра* 'шалить' (букв. 'становиться ребенком'). Редупликация состоит в удвоении корня либо корневого согласного (*цIыр-цIыр-ра*

'пищать', *пкѣкѣ-ра* 'изрубить на мелкие части'); последнее можно обозначить в качестве экспрессивной геминации.

Имеются два основных типа образования имен существительных: основосложение и аффиксация. В основосложении, являющемся более продуктивным, выделяются следующие модели: сочетание двух основ существительных (*уаса-хча* 'чабан', букв. 'овца + пастух'); основа существительного + основа прилагательного (*класы-жв* 'тряпка', букв. 'шаль + старый'; ср. ту же модель с иным расположением элементов: *хьы-кѣтлу* 'павлин', букв. 'золотая курица'); основа существительного + основа глагола (*ла-рхлара* 'собаководство', букв. 'собака + выращивание'); основа существительного + основа наречия (*нанлы-щтлахъ* 'тыльная сторона ладони', букв. 'рука + позади'); сложение двух глагольных основ (*нхара-нцлра* 'жизнедеятельность', букв. 'работать + жить'); основа существительного + основа числительного (*шквысы-зкъ* 'тысячелетие', букв. 'год + тысяча'). Среди словообразовательных суффиксов наиболее продуктивными являются *-га* с инструментальным значением (*рчлвы-га* 'закваска' от глг. *рчлв-ра* 'квасить'), *-р* + *та* с локальным значением (*чва-рта* 'постель', при *чва* 'сон'), *-да* + *ра* с лишительным значением (*хлусан-дара* 'бесцельность', при *хлусан* 'цель'), *-глев(ы)* в значении деятеля (*ркѣванча-глев* 'обвинитель' от *ркѣванча-ра* 'обвинять'), *-гла* с обобщенным, абстрактным значением (*глевчлвглвысы-гла* 'человечность', при *глевчлвглвыс* 'человек'), *-ра* с той же семантикой (*хъвашь-ра* 'помутнение'), *-ща* в значении манеры совершения действия (*нха-ща* 'манера работать'), *-та* + *ра* в значении помещения, вместилища (*сабын-тара* 'мыльница'). Среди малопродуктивных суффиксов можно назвать *-с* в диминутивном значении (*асы-с* 'ягненок'), *-хъвы* в значении 'доля, часть' (*пс-хъвы* 'поминки', букв. 'доля покойного'), *-ла* в значении совместности (*мхлвы-ла* 'своjak', при *мхлвы* 'зять').

Основными способами словообразования прилагательных также являются словосложение (*лымхла-кѣакѣа* 'лопухый', букв. 'ухо + плоский'; *псы-чѣгъа* 'жадный', букв. 'душа + плохой') и суффиксация. Среди словообразовательных суффиксов выделяются: *-чва* для передачи оттенка цвета (*хъапщ-чва* 'золотистый' — *хъа* + *пщ* 'золото, золотой'), *-глев* в значении делающего (*хъпш-глев* 'присматривающий'), *-да* в значении отсутствия чего-л. (*члвгла-да* 'безрогий'), *-дза* с усили-

тельным значением (*хъыц-дза* 'малюсенький, крохотный') и др. Распространена также конверсия имени существительного в имя прилагательное: *клартлоф* 'картофель' > 'картофельный'; *глевна* 'хижина' > 'отчий, домашний'.

Сходным образом образуются и наречия: путем словосложения (*ласы-лас* 'скорее, скоро', *ласы* 'быстрый'; *сара-сара* 'я сам, самостоятельно', *сара* 'я'; *жвара-жвасквша* 'давным-давно') и суффиксами — *-та*, *-дза*, *-д(а)ъа*, *-ла* (*ласы-та* 'быстро', *багъа-дза* 'крепко').

IV. Синтаксис. Среди типов словосочетаний в абазинском предложении выделяются: числительное + существительное, существительное + числительное, существительное + прилагательное, прилагательное + существительное, существительное + существительное, причастие + существительное, существительное + глагол и др.

А.я. является представителем языков эргативного строя. Хотя здесь отсутствует противопоставление эргатива и номинатива, роль их выполняется соответствующей аранжировкой классно-личных префиксов при глаголе. При наличии в предложении переходного глагола порядок расположения указанных префиксов асимметричен порядку расположения подлежащего и дополнения: *ала амшв й-а-быйтл* букв. 'собака медведя его-она-увидела'. При наличии в предложении сказуемого, выраженного непереходным глаголом, порядок расположения классно-личных префиксов симметричен порядку расположения подлежащего и сказуемого: *ашъаглев атшыглев д-йы-хъычыйтл* букв. 'пеший над конным он-над ним-насмехается'. Обычным порядком слов в предложении является S—O—V, т.е. субъект + объект + глагол, ср. *ауат пазаджвыкл дрыман* 'они единственного сына имели'.

Типы предложения: простые (*йаъан-йыб-зазун тажкльй лыгажкльй* 'жили-поживали старик со старухой'); предложения с инфинитным обстоятельственным оборотом (*арахъ йыгларылалыз аквяджъма ахламач йыгъгла-таржъуам* 'волка, забравшегося в хлев, там не оставляют', инфинитный оборот *йыглары-лалаз* букв. 'тот, который (сюда) среди них (скота) забравшись'); сложносочиненные (бессоюзные и союзные: *амца лашара — аргваныл-хлва уазымцан, алашбжъы — хъаранл-хлва уазымцауа йыгланымжъын* 'не иди на свет огня, говоря, что он близок, иди на лай собаки, не говоря, что он (доносится) из-

8 АБХА далека'; сара сгьахадзум, ауый йыгIацIла сгьызнайуашым 'мне некогда, и поэтому я не могу прийти'; хIара ауагъа хIагъан, ауаса ауат гьгIымбатI 'мы там были, но их там не видели').

V. Лексика. Лексический состав А.я. характеризуется как хорошей сохранностью исконного словаря, обслуживающего многообразные формы социальной жизни, так и наличием значительного кол-ва заимствований из различных языков, с носителями которых абазинцы контактировали в течение своей богатой событиями истории. Исконный словарь представляет собой лексемы, в большей или меньшей степени образующие общий лексический фонд абхазско-абазинских диалектов, существенная часть которых обнаруживает материальные параллели в других языках абхазско-адыгской группы. Лит. А.я. обогащается как путем вовлечения диалектной (ашхарской) лексики, так и посредством создания многочисленных калек с кабардинского и русского языков. Большую часть заимствованной лексики в А.я. составляют адыгизмы и тюркизмы. Среди адыгизмов выделяются заимствования из адыгейского и кабардинского. В составе тюркизмов есть собств. турецкие заимствования, а также лексемы арабского и персидского происхождения, усвоенные через посредство турецкого. Некоторые тюркизмы заимствованы из карачаевского языка. Часть тюркизмов (в т.ч. и собств. турцизмы) попала в А.я. благодаря адыгскому посредству. Пласт картвелизмов, усвоенных абазинами еще в Абхазии, т.е. до переселения на Сев. Кавказ, немногочислен (ок. 30 лексем). Русские заимствования образуют новейший пласт словаря, хотя часть их вошла еще до 1917 г. (сомвар 'самовар', мжыкъ 'мужик', сажна 'сажень' и др.).

Состав абазинской ономастики довольно разнообразен. Так, например, названия населенных пунктов могут быть образованы от этнонимов (Абазакт, букв. 'абазинское село'; ТIапIанта – назв. села по обозначению одного из абазинских племен; Апсуа, букв. 'Абхаз(ское)' – назв. одного из ашхарских сел), от гидронимов (Гвымлокт, букв. 'село (рода) Лоу на р. Кума'; Псыжв 'Кубань' < каб.), от антропонимов (Дарыкъвакт, совр. Псыжв, т.е. 'село (князей) Дарыкуа'; Чагва хIагъа 'квартал Чагвовых'). Ср. также названия горных объектов (Къарапагва абжъара 'ущелье (села) Карапагуа'; Абнагвашв ахва 'холм лесных ворот'; ЛачвышыргIа рыбыхъв 'утес Лач-

вышевых'), гидронимов (Къавыйна 'Кубань', Гвым 'Кума').

Традиционный пласт абазинской антропонимии представляют как собств. абазинские имена, число которых ныне весьма невелико (КIвыра, КIагIана 'орешек', ШкIвакIа 'белый, белая'), так и имена, усвоенные из других языков, в первую очередь из адыгских, тюркских (в т.ч. и мусульманские имена араб.-перс. происхождения) и русского. Ср. такие адыгские по происхождению имена, как Дарыкъва (муж.), Джьанпагва (муж.), Гващамыда (жен.), Пагва (муж.); тюркские (в т.ч. и араб.-перс.) – Кълыч (муж.), Ислам (муж.), Нурия (жен.), ФатIумат (жен.); русские – Мария, Владимир, Света, Марина.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абазинско-русский словарь/Под ред. В.Б.Тугова. М., 1967; Генко А.Н. Абазинский язык: Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955; Ломтатидзе К.В. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тб., 1944 (на груз. яз. с рус. резюме); Ломтатидзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тб., 1954 (на груз. яз. с рус. резюме); Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка: Фонетика и морфология. Черкесск, 1976.

В.А.Чирикба

АБХАЗСКИЙ ЯЗЫК

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Абхазский язык (абх. а́псуа бызшәа) вместе с абазинским образует абазинско-абхазскую подгруппу абхазско-адыгской группы (см. Абхазско-адыгские языки) кавказских (иберийско-кавказских) языков.

В СССР (1989 г.) число абхазов составило 105308 чел., из них 93,5% назвали А.я. родным; в РФ живет 7239 абхазов.

Большая часть абхазов проживает в Абхазии, территория которой простирается узкой полосой вдоль Черноморского побережья Кавказа между р. Псоу на З. и р. Ингури на В. По этим рекам Абхазия граничит с Краснодарским краем России и Зугдидским р-ном Грузии. Несколько тысяч абхазов проживает в Аджарии (в основном в районе Батуми), куда они попали в XIX в. в результате массового переселения, вызванного Кавказской войной. Кроме того, абхазы живут в Турции (ок. 200 тыс. чел.) и в ряде стран Ближ. Востока (в Сирии, Ираке и др.). Небольшие колонии

имеются в странах Зап. Европы и в США. Общее число абхазов в мире составляет ок. 300 тыс. чел.

На терр. Абхазии А.я. имеет статус государственного. Он является языком преподавания в начальной школе (все предметы на А.я. вплоть до 5-го кл.), в средней (уроки родного языка и литературы) и в высшей (ряд курсов и дисциплин в Абхазском университете и на кавказском отд. Тбилисского университета). На А.я. издаются газеты и ряд журналов, художественная, публицистическая и научная литература, вещает радио и телевидение, работает театр.

Большая часть абхазов двуязычна. Преобладает абхазско-русское двуязычие: 78,8% абхазов свободно владеют русским в качестве второго, часть юж. абхазов – также мегрельским. Число владеющих грузинским в целом невелико. Аджарские абхазы, помимо родного и русского языков, владеют также грузинским, а многие и турецким. Для абхазов, проживающих в Турции, типично абхазско-турецкое, а для живущих в арабских странах – абхазско-арабское двуязычие.

До сер. XIX в. абхазы, по-видимому, не обладали письменной традицией на родном языке. Первый из опытов создания абхазской письменности относится к 1865 г., когда под руководством И.А.Бартоломея на основе кириллической транскрипции П.К.Услара был опубликован первый «Абхазский букварь». Второй абхазский алфавит был создан в 1892 г. педагогом Сухумской гор. школы К.Мачавариани и его учеником, впоследствии народным поэтом Абхазии Д.Гулиа; позднее был усовершенствован педагогом и общественным деятелем А.Чочуа (содержал 55 букв); использовался в 1909–1926 гг. В 1926 г. был введен «аналитический алфавит» Н.Я.Марра на латинской графической основе. В 1928 г. принят новый унифицированный абхазский алфавит Н.Ф.Яковлева, также на основе латинской графики. В 1938 г. абхазский алфавит был переведен на грузинскую графику, а в 1954 г. абхазы вернулись к кириллическому алфавиту А.Чочуа, которым пользуются и поныне (а, б, в, г, гь, з, зь, д, дь, е, еь, ж, жь, з, з, зь, и, к, кь, л, ль, м, н, о, ө, п, п, р, с, т, ть, у, ф, х, хь, х, хь, ц, ць, ч, чь, ш, шь). Из зарубежных опытов создания абхазской письменности можно упомянуть абхазскую азбуку, разработанную на основе латиницы проф. М.Бутба и опубликованную в 1919 г. в Стамбуле; практического применения она не имела. Частая и

порой неоправданная смена алфавитов не могла не сказаться отрицательно на функционировании и развитии лит. языка. Хотя в основу абхазского алфавита положен фонологический принцип (один знак или их сочетание – одна фонема), он не всегда выдерживается. Нет строгой последовательности и в передаче таких дополнительных признаков, как лабиализация и глоттализация. Так, лабиализация передается то дополнительным знаком ə, то буквой у. Не оправдано и отсутствие знака для спонганта й.

Наиболее ранними лит. памятниками являются переводы христианских религиозных текстов – «Краткой священной истории» (1866), «Божественной литургии Иоанна Златоуста» (1907), Требника (1907), Служебника (1907), Евангелия (1912) и др., а также сборник поэтических произведений Д.Гулиа (1912) и драма С.Чанба «Амхаджир» (1920). К 1919 г. относится выход первой абхазской газеты «Ацсны» («Абхазия»).

Диалектной базой лит. А.я. является его южный, абжуйский диалект, более простой в фонетическом отношении (60 фонем) по сравнению с бзыбским (68 фонем).

Развитие лит. А.я. насчитывает (по А.Н.Генко) три этапа: 1856–1866 гг. – время создания «Абхазского букваря» И.Бартоломея и перевода «Краткой священной истории»; 1892–1921 гг. – выход первых книг Д.Гулиа, учебников А.Чочуа, абхазской газеты «Ацсны», драмы С.Чанба «Амхаджир»; с 1921 г. по совр. период – публикация произведений Д.Гулиа, С.Чанба, И.Когониа, Б.Шинкуба, И.Папаскири, М.Хашба, Д.Дарсалиа и др. В.Конджария придерживается иной периодизации лит. А.я., выделяя два периода: до- и послереволюционный. Выдающуюся роль в становлении и развитии лит. языка сыграло творчество классика абхазской литературы Д.Гулиа (1874–1960), заложившего основы многих жанров совр. литературы. Лит. норма питалась ресурсами языка нартских сказаний, историко-героических и мифологических преданий, песен, сказок, народных баллад, басен, анекдотов. За более чем вековой период своего развития язык выработал более или менее нормированную орфографическую систему, богатую терминологию, различные функциональные стили.

Одно из наиболее ранних упоминаний предков абхазов принадлежит Плинию Секунду (I в. н.э. – *gens Absilae* 'народ абсилы', ср. самоназв. абхазов – *apswa*), который локали-

10 АБХА зует их в районе крепости Себастополь, т.е. на месте совр. Сухуми. В «Путешествии по берегам Черного моря» Флавия Арриана (II в. н.э.) наряду с племенами апсилов (греч. *Ἀψῆλαι*) упоминается др.-абхазское племя абазги (греч. *Ἀβασγοί*). «Notitia dignitatum», документ кон. IV – нач. V в. н.э., сообщает об участии абхазов (абазгов) в византийской армии (*Ala prima Abasgorum Hibeos oasis maioris* 'первое крыло абазгов в большом оазисе Хибеос'). В VI в. абхазы официально принимают христианство, а в VIII–X вв. создают абхазское царство (существовало до XI в.).

До 1864 г. Абхазия делилась на три диалектные зоны – садзскую, бзыбскую и абжуйскую. Садзский диалект располагался на З. исторической Абхазии от р. Бзыбь вплоть до Хосты с вкраплениями и далее на С.-З. к долине р. Сочипсты (район совр. Сочи). Этнографически, а возможно, лингвистически, садзы делились на приморских и горных. Первые населяли Хамыш, Артокуадж (совр. Адлер), Хышху, Цандрипш, Гячрипш, Багрипш, Мкялрипш (в верховьях р. Псоу). К горным садзам относились представители таких обществ, как ахчипсоу, они жили в верховьях р. Мдзымты, аибга – в верховьях р. Псоу, чужгуча – на р. Цвижепсы (приток Мдзымты). Кроме того, на р. Кудепсте располагались чужи, а по р. Мацесте селилось племя чуа. К горным садзам примыкали обитатели высокогорного с. Псху. Ныне на Кавказе садзского диалекта нет. Определенное представление о его особенностях дает изучение речи батумских абхазов, часть предков которых являлась выходцами из Садзской Абхазии. Лексические и морфологические особенности речи этой части батумских абхазов позволяют усматривать в садзском диалекте переходную зону между бзыбским и ашхарским. В лексике и, возможно, в грамматике садзского наречия было ощутимо влияние адыгейского и убыхского языков. Вторая бзыбская (по назв. р. Бзыбь) диалектная зона простирается от Гагры приблизительно до Сухуми. Бзыбский диалект членится на три говора – лыхненский (по назв. с. Лыхны), калдахуарский (по назв. с. Калдахуара) и аацинский (по назв. с. Аацы), различия между ними крайне незначительны и носят в основном фонетический характер.

Абжуйская диалектная зона расположена на В. от Сухуми – вплоть до г. Гали. Абжуйский диалект также делится на три говора:

атарский (по назв. с. Атара), чхуартальский (по назв. с. Чхуартал) и джгярдинский (по назв. с. Джгярда), различия между ними незначительны.

Помимо названных диалектных зон имеются и переходные говоры жителей сс. Эшера и Багмаран близ Сухуми, которые обнаруживают черты, характерные как для бзыбского, так и для абжуйского диалектов. При этом эшерский говор тяготеет к бзыбскому диалекту, тогда как багмаранский – к абжуйскому. В целом же оба эти говора в какой-то степени отражают особенности сухумского (или абжаквинского, гумского) переходного говора. Ныне в Абхазии представлены два диалекта – бзыбский и абжуйский, различия между ними в основном фонетического и лексического характера.

Впервые абхазский языковой материал был зафиксирован в античных текстах, где упоминались др.-абхазские этнонимы. В армянской исторической географии «Ашхарацуйца» (VII в. н.э.) содержится упоминание абхазского топонимического слова *Псин-ун*, в котором угадывается совр. абхазское *Аңсны* 'Абхазия'. Еще одна абхазская глосса сохранилась во втором имени сына грузинской царицы Тамары Георгия (XII в.) – *Лаша*, которое, как отмечает грузинский летописец, переводится с языка «апсаров», т.е. абхазов, как 'светоч вселенной' (ср. абх. *а-лаша* 'свет'). Абхазская глосса *Аку* зафиксирована в греческой надписи на золотых монетах колхидской чеканки (III–II вв. до н.э.): она отождествляется с абхазским ойконимом *А́куа* 'Сухуми'. Более пространственные записи языкового материала были сделаны лишь в XVII в. турецким путешественником Эвлией Челеби. Анализ записанных им слов и фраз показывает, что язык информантов совмещал фонетические особенности бзыбского диалекта с некоторыми морфологическими чертами, напоминающими ашхарский диалект абазинского.

Начало изучению А.я. было положено небольшой работой немецкого ориенталиста Г. Розена (G. Rosen. *Osetische Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische*. Berlin, 1846). Однако первое подлинно научное и обстоятельное описание А.я. принадлежит выдающемуся исследователю кавказоведу П.К. Услару, создавшему в 1862 г. первую грамматику А.я.; вошедшая в золотой фонд кавказоведения, она и по сей день не утратила своей научной значимости. А. Шифнер опубликовал (1863) осуществленное им немецкое переложение

этой работы, сделав ее доступной европейскому читателю. В дальнейшем А.я. являлся предметом изучения таких крупных исследователей, как Л.Чарая, Н.Я.Марр, А.Дирр, Д.Гулиа; вклад в его изучение внесли также А.Хашба, В.Куба, А.Н.Генко, Н.Ф.Яковлев, Г.Шмидт, Г.Деестерс, К.Боуда, Ж.Дюмезиль.

Основные центры по изучению А.я. — Абхазский ин-т языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа и Абхазский университет (Сухуми), где работают абхазоведы-лингвисты Х.Бгажба, Л.Чкадуа, Ш.Аристава, К.Шакрыл, М.Циколия, В.Конджария, С.Амичба. В Ин-те языкознания АН Грузии (Тбилиси) работает крупнейший исследователь К.Ломтадзе. Изучается А.я. также в Москве и Санкт-Петербурге. За рубежом его исследованием занимаются Дж.Хьюитт, З.Хиба (Великобритания), В.Люкассен, А.Спрайт (Нидерланды) и другие.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Фонетика. А.я. принадлежит к числу т.н. консонантных. Его фонемный состав характеризуется исключительно сложной системой консонантизма (до 69 фонем в бзыбском диалекте) и минимально развернутой системой вокализма (две гласные фонемы).

Консонантизм лит. языка насчитывает 58 согласных фонем, которые делятся на два больших класса — шумных и сонорных. Шумные смычные и аффрикаты классифицируются по месту (губные, зубные, велярные, увулярные) и по способу артикуляции (звонкие, глухие, придыхательные, глоттализированные). Фонеморазличительными признаками являются также огубление (лабиализация) и смягчение (палатализация). Система спирантов включает губно-зубной, зубной, увулярный и ларингальный ряды. Из фонемно значимых корреляций в классе спирантов релеванты противопоставления по признакам глухость—звонкость, огубленность и смягчение. В отдельный класс согласных выделяются сонорные. Их специфика заключается в том, что, помимо прочего, они не вступают ни в какие коррелятивные отношения (за искл. *й*).

Состав фонем лит. А.я. может быть представлен в следующем виде: 1) смычные: б—п, д—т, дэ—тэ—тэ, г—к, гь—кь—кь, гу—ку—ку, к—кь—кь; 2) аффрикаты: з—ц—ц, зэ—цэ—цэ, ц—е—е, ць—ч—ч; 3) спиранты: в—ф, з—с, ж—ш, жь—шь, жэ—шэ, г—х, гь—хь, гу—ху, х—хэ; 4) сонорные: *й*, м, н, р, л, *й*, *о*. (Диакритики *э* и *у*, уточняющие качество согласных, пере-

дают признак лабиализованности, *ь* — признак палатальности. Диакритика под буквой обозначает признак придыхательности, кроме звонкого спиранта *з* и звонкой аффрикаты *ц*; *ц*, *т*, *к*, *кь*, *ц*, *е* и *ч* обозначают абруптивные фонемы. — *Ред.*)

Фонемный состав диалектов богаче. Так, в бзыбском диалекте сохраняются специфические свистяще-шипящие сибиланты: пары спирантов *з—с*, *зэ—сэ*, *ц—цэ*, неогубленные члены которых в абжуйском диалекте совпали со свистящими, а огубленные *зэ—сэ* — с шипящими сибилантами. В абжуйском диалекте сохраняется глоттализированный спирант *фI*, имеющийся лишь в одном слове (*а-фIа* 'тонкий'). В обоих абхазских диалектах на периферии фонемной системы имеется глоттальная смычка *џ*, ср. минимальную пару (*а*)*аи* 'да' — *џаи* 'нет'.

Система вокализма насчитывает лишь две основные гласные фонемы: *а*, *ы*. Своеобразно положение третьей гласной, обозначаемой в орфографии диграфом *аа*. Исторически она происходит из праабхазских сочетаний **џа*, **аџ*, т.е. звонкого эмфатизованного ларингала *џ* (сохранившегося в абаз. диалектах) с гласным *а*; *аа* также присутствует в ряде заимствований (ср. *а-каамет* 'светопредставление' < тур. *keyâmet*; *а-маалык* 'ангел' < тур. *melâik*; *а-џааимбар* 'пророк' < тур. *peyâmbâr*; *а-лу-маат* 'лимонд' < рус. лимонд; *а-маат* 'рубль' < груз. *manat-i*). Фонологический статус этой гласной неясен — его определяют либо в качестве сочетания *а + а*, либо как долгий *â*. Не меньше оснований, однако, усматривать в *аа* дифтонг. Помимо указанных гласных, имеются и гласные звуки *о*, *е*, *и*, *у*, не имеющие статуса фонем и появляющиеся в результате взаимодействия гласных фонем *а*, *ы* с теми или иными согласными (в основном с сонорными *й*, *й*, *о*). Звук *о* появляется на месте дифтонгов *ау*, *џа* или трифтонга *аџа*, реже при контакте с лабиализованными согласными. Звук *е* возникает на месте сочетаний *ай* > *ей*, *џа* > *џе*, *оа* > *ое*, *аџ* > *еџ*, либо из сочетаний «смягченный согласный + *а*». Звук *и* появляется из сочетаний *йы*, *ый*. Наконец, звук *у* появляется из дифтонгов *џы*, *ыџ*. В отличие от *аа* другие дифтонги представляют собой бифонемные сочетания.

Возможны довольно значительные комплексы согласных (ср. четырехконсонантные комплексы в словах типа *аџстџа* 'туча', *амџџџа* 'дурная погода'), однако более распространенными являются би- и трехконсо-

12 АБХА нантные сочетания (*амра* 'солнце', *аҭхты* 'чесоточный'). Внутри корневой или аффиксальной морфемы число компонентов комплекса обычно не превышает трех. Появление их зачастую обусловлено действием сильного экспираторного удара.

Ударение обычно разноместное и способно служить средством смысловаразличения: *ала* 'глаз' – *ала́* 'собака', *ача* 'перепелка' – *ача́* 'хлеб', *аҭара* 'прыгать' – *аҭара́* 'деньги' – *аҭара́* 'вязать'.

Среди явлений морфонологического порядка отмечается озвончение классно-личных префиксов в позиции перед начальным звонким согласным переходного глагола.

II. Морфология. А.я. принадлежит к числу агглютинативных. Словоформа состоит из цепочки морфем, каждая из которых, как правило, моносемантична. Морфемы подразделяются на корневые и аффиксальные. Словоформа может состоять из одной и более морфем, причем их кол-во может быть довольно значительным: ср. глагольную словоформу *и-аа-с-з-еи-лы-м-к-аа-ит* 'я не мог понять этого', содержащую десять морфем: корень *к* 'держат, хватать' и девять аффиксальных морфем. Преобладают односложные глагольные корни открытого типа структуры CV. Двух- и трехсложные корни в исконном материале более редки и в целом характерны для именных основ (искл. составляют глаголы ономотопозитического происхождения). Помимо самостоятельных корневых морфем имеются и т.н. связанные глагольные корни, употребляющиеся лишь в сочетании с теми или иными превербами или послелогоми. Аффик-

сальные морфемы могут занимать как предкорневую (префиксы), так и посткорневую (суффиксы) позиции. Из 20 значимых морфемных позиций в глагольной словоформе перед корнем возможно наличие 13 аффиксальных элементов (в т.ч. и превербы), тогда как на посткорневую позицию приходится лишь шесть возможных аффиксов.

Части речи А.я.: глагол, существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, послелог, союзы, частицы, междометия, дескриптивы.

Именные категории развиты относительно слабо.

Глагол занимает центральное место в морфологической системе и отличается богатством видо-временных форм. Основными чертами, характеризующими глагол, являются противопоставление форм динамичности и статичности, переходности и непереходности, финитности и инфинитности, классно-личное спряжение, сложная система времен и наклонений (в числе последних наличие таких категорий, как союзность, обоюдность, каузативность, потенциалис, версия и др.).

Статические глаголы выражают состояние (*сгылоуп* 'я стою', *сиауп* 'я лежу'). Они лишены целого ряда словоизменительных категорий, присущих динамическим глаголам. Характерно, что для образования статического глагола может быть использована основа любого имени (*а-хуцы* 'ребенок' – *д-хуц-уп* 'он ребенок есть'; *а-ҭица* 'красивый' – *ды-ҭица-уп* 'он красивый есть'). Сам статический глагол, в свою очередь, может быть преобразован в динамический с помощью ряда аффиксов: стат. *дгылоуп* 'он стоит', дин. *дгылоит* 'он

Формы времен статического глагола *а-гыла-ра* 'стоять' в I-м л.

Финитные		Инфинитные	
Наст.	<i>сгылоуп</i> 'я стою'	<i>игылоу</i>	'то(т), кто/что стоит'
Прош.	<i>сгылан</i> 'я стоял'	<i>игылаз</i>	'то(т), кто/что стоял(о)'

Формы времен динамического глагола *а-каҭа-ра* 'делать' в I-м л.

Финитные		Инфинитные	
Наст.	<i>икаҭаҭоит</i> 'то я (с)делаю'	<i>икаҭаҭоз</i>	'то, что я (с)делаю'
Прош. несов.	<i>икаҭаҭон</i> 'то я делал'	<i>икаҭаҭаз</i>	'то, что я делал'
Прош. неопред.	<i>икаҭаҭон</i> 'то я сделал'		
Аорист	<i>икаҭаҭеит</i> 'то я сделал'	<i>икаҭаҭа</i>	'то, что я сделал'
Перф.	<i>икаҭаҭахьеит</i> 'то я уже сделал'	<i>икаҭаҭахьоу</i>	'то, что я уже сделал'
Плюсквамкперф.	<i>икаҭаҭахьан</i> 'то я уже (давно) сделал'	<i>икаҭаҭахьаз</i>	'то, что я уже (давно) сделал'
Буд. I	<i>икаҭаҭан</i> 'то я сделаю'	<i>икаҭаҭара</i>	'то, что я сделаю'
Буд. II	<i>икаҭаҭашт</i> 'то я сделаю'	<i>икаҭаҭаша</i>	'то, что я сделаю'

встает'; стат. *ишкыакуауп* 'то белое есть', дин. *ишкыакуахоит* 'то становится белым'; стат. *икьаџуп* 'то короткое есть', дин. *исыр-кьаџеит* 'то я коротким делаю//укорачиваю'. Динамические глаголы выражают действие или процесс и обладают всей полнотой видо-временных форм, присущих абхазскому глаголу. Характерно, что основа ряда глаголов может включаться как в парадигму статических, так и динамических глаголов, ср. *сгылоуп* 'я стою' – *сгылоит* 'я встаю'; *стаоуп* 'я сижу' – *стаоит* 'я сажусь'.

Одной из фундаментальных категорий в системе глагола является оппозиция по признаку переходности–непереходности. Переходными могут быть только динамические глаголы, а непереходными – статические и часть динамических. Основным морфологическим выражением различия между этими двумя классами глаголов является положение классно-личных показателей. Другим средством различения переходных и непереходных глаголов является озвончение классно-личных префиксов в позиции перед начальным звонким согласным корня переходного глагола (ср. *и-з[<*с]-боит* 'то я вижу'), тогда как этого не происходит в непереходном глаголе (ср. *с-гылоит* 'я встаю').

Выделяется группа т.н. лабильных глаголов, основа которых, в зависимости от отсутствия или наличия прямого объекта, может становиться либо непереходной, либо переходной: *с-захуеит* 'я шью//занимаюсь шитьем' – *и-з-захуеит* 'то я шью'; *с-џоит* 'я вяжу//занимаюсь вязанием' – *и-с-џоит* 'то я вяжу'. Своеобразно положение инверсивных глаголов, спрягаемых по типу переходных, но по сути являющихся непереходными. Одним из признаков, которые отличают их от переходных глаголов, является отсутствие озвончения классно-личного показателя перед звонким согласным корня, ср. переходный глагол *и-з-гоит* 'то я беру' и инверсивный *и-с-гуаџхоит* 'то мне нравится'. Другое отличие инверсивных глаголов от переходных заключается в том, что при наличии преверба показатель субъекта при спряжении не вклинивается между превербом и корнем, ср. *и-с-гуа-џхоит* 'то мне нравится' (букв. 'то мне сердце греет', преверб *гуа-* 'сердце'), но в переходном глаголе *а-гуа-џа-ра* 'замечать' с тем же превербом картина уже иная – *и-гуа-с-џоит* 'то я замечаю'.

Существенной чертой абхазского глагола является противопоставление финитных (выражающих законченность, замкнутость пред-

ложения) и инфинитных (незаконченность, незамкнутость предложения) форм глагола, ср. *сџеит* 'я ушел' – *сџон* 'я шел'; *изгаит* 'то я возьму' – *изгаша* 'то, что я буду брать'.

Спряжение глагола является классно-личным и реализуется посредством включения в словоформу тех или иных классно-личных префиксов. В форме спрягаемого глагола отражается не только лицо и число, но и класс актантов: человек (женщина или мужчина)–нечеловек, которые различаются в форме 2-го и 3-го лица ед. числа переходных и непереходных глаголов. Во 2-м лице ед. числа показатель класса мужчины формально совпадает с показателем класса нечеловека, ср. *у-ца* 'ты (мужчина, животное) иди' при *б-ца* 'ты (женщина) иди'.

Парадигмы переходных и непереходных глаголов отличаются формой и аранжировкой классно-личных показателей.

Глагол имеет восемь времен: одно настоящее, пять прошедших и два будущих. Временная парадигма динамических глаголов богаче соответствующей парадигмы глаголов статических. Внутри указанных парадигм проводится различие финитных и инфинитных форм.

Настоящее время нередко употребляется и в функции будущего (определенного), а его показателем является суффикс *-уа*, который в сочетании с конечным гласным корня реализуется в виде *-о-* (*с-ца-уа-ит* > *с-цо-ит* 'я иду'). Будущее I и II обладают ярко выраженными модальными оттенками вероятности либо долженствования: *с-ца-шт* 'я, по-видимому//скорее всего, пойду'; *и-џа-у-џа-ша* 'то, что ты сделаешь//тебе надлежит или предстоит сделать'.

Система наклонений довольно сложная: изъявительное, отрицательное, повелительное, побудительное, возможности, или потенциалис (*дзаџхьом* 'то она не может читать'), версии (*иузыкасџоит* 'то для тебя (муж.) я сделаю' – объектная версия, *илџыџт* 'то она потеряла' – субъектная версия), желательное (*сџанда(з)* 'хотя бы я пошел!'), ирреалис (*дыубозшџа* 'как будто ты (муж.) его//ее (чел.) увидел'), условное, сослагательное, условно-целевое (*изгарц(ы)* 'для того, чтобы мне взять'), совместности (*диыџоит* 'она с ним идет'), каузатив (*илзахуеит* 'то она шьет' – *илсырзахуеит* 'то ее я заставляю//побуждаю шить'), произвольности (*исмхаџеит* 'то я невольно сказал'), возвратности (*семыџахо-*

фикс -ба (> -ца): *ə-ба* 'два', *x-ца* 'три', *цшьба* 'четыре', *хуба* 'пять', *фба* 'шесть', *бхсьба* 'семь', *ааба* 'восемь', *жэба* 'девять', *жэаба* 'десять'. Суффиксом, маркирующим принадлежность числительного к классу человека, является -*əy(-к)*: *x-əy(-к)* 'три (чел.)', *цшь-əy(-к)* 'четыре (чел.)'. Числительным «один» для класса человека является *аэəy*, а для класса нечеловека — *акы*; «два» для класса человека имеет форму *əy-цə*. От «одиннадцати» до «двадцати» числительные образуются посредством сочетания корневых морфем: *жэа-ə* (нечел.)//*жэа-ə-əy* (чел.) 'двенадцать'; *жэа-ха* (нечел.)//*жэа-ха-əy* (чел.) 'тринадцать'; *жэy-ху* (нечел.)//*жэy-ху-əy* (чел.) 'пятнадцать'. В составе ряда числительных имеется соединительный союз *и*: *жэа-и-за* 'одиннадцать' (букв. 'десять-и-один'); *жэy-и-цшь* 'четырнадцать' ('десять-и-четыре'); *зе-и-жэ* 'девятнадцать' (начальное 3- получено по диссимиляции из *жэеижэ*, букв. 'девять-и-десять'). «Двадцать» имеет структуру 'два-десять' (*ə-жэа*). Начиная с «сорока» счет идет по двадцатиричной системе: *əy-и-ə-жэа* 'сорок' ('дважды двадцать'). «Сто» для класса нечеловека имеет форму *шэ-кы*, а для класса человека — *шэ-əy(-к)*. Помимо количественных числительных имеются также порядковые, собирательные, приблизительные, дробные, кратные, разделительные и распределительные.

Местоимения личные, притяжательные, указательные, вопросительные, определительные, неопределенные согласуются по классу: личные местоимения *уара* 'ты (муж.)', 'ты (нечел.)', *бара* 'ты (жен.)', *иара* 'он (муж.)', *иара* 'он (нечел.)', *лара* 'она (жен.)'. Искл. составляют местоимения 1-го лица ед. и мн. числа, а также 2-го и 3-го лица мн. числа: *сара* 'я', *хара* 'мы', *шэара* 'вы', *дара* 'они'. Пережитками категории инклюзива—эксклюзива считается наличие таких пар, как *хара* 'мы' — *харт* 'мы'; *шэара* 'вы' — *шэарт* 'вы', хотя ныне данная категория в А.я., по-видимому, отсутствует.

Служебными словами являются послелогги (аналогичные по функции русским предлогам): направительные, локативные, достигательные, инструментальные. Среди союзов следует упомянуть соединительные союзы *и*, *гыы*, противительный союз *аха* 'но', разделительные *ма*, *мамзар*, *акуымзар* 'а не то, либо'. Частицы придают различные смысловые оттенки словам или фразам: утвердительность, подтвердительность (*исы* *исхэит-еи* 'ведь я уже то сказал'), отрицательность, уси-

лительность, темпоральность, побудительность, сожаление. Междометия выражают различные эмоции и чувства (*унан*, *хаи*, *ахахаи*, *абааңсы*, *ных*, *ааит*). Выделяется и довольно обширная группа дескриптивов, т.е. лексем с пониженной или нулевой степенью грамматической категориализации; они занимают промежуточное положение между знаменательными словами и междометиями. По своей природе дескриптивы представляют собой либо звукоподражания, либо звуко-символические слова. Они могут выступать как в своей чистой форме, так и в аффиксальном оформлении (*а-дыжэ* — изображение звука удара). Дескриптивы легко включаются в парадигмы тех или иных частей речи, обретая тем самым категориальный статус знаменательного слова — наречия, глагола, прилагательного, существительного.

III. Словообразование. Структура глагола представлена следующими моделями: простая основа, сложение основ, преверб + основа + расширитель корня, основа + расширитель. Простая основа чаще всего представлена одной фонемой или двухфонемным сочетанием (*к* 'ловить, держать', *шь* 'убивать', *ба* 'видеть', *га* 'брать, нести'), хотя встречаются и более сложные образования. Сложение основ (за искл. редупликации) не очень распространено: именная основа + глагольная основа (*а-тэа-рх-ра* 'косить', букв. 'сено косить'), глагольная основа + глагольная основа (*а-не-и-аа-и-ра* 'прогуливаться', букв. 'туда идти — сюда идти'). Редупликация, напротив, используется довольно широко (*а-қалышь-малышь-ра* 'небрежно брести'). Гораздо более распространено образование глаголов с помощью превербов, передающих пространственные параметры действия (вверх — вниз, туда — сюда, наверху, внутри и т.д.). Ряд глаголов без превербов не употребляется, например, *гыла* 'стоять, встать': *а-д-гыла-ра* 'становиться рядом', *а-ва-гыла-ра* 'становиться сбоку', *а-ца-гыла-ра* 'становиться под', *а-ку-гыла-ра* 'становиться на что-л.', *а-ха-гыла-ра* 'становиться над чем-л.'; связанный глагольный корень *ла* 'идти, входить': *а-ла-ла-ра* 'входить в массу (в воду, в лес)', *а-та-ла-ра* 'входить внутрь', *а-ца-ла-ра* 'входить под', *а-əна-ла-ра* 'входить в дом'. Из двух глагольных расширителей -*аа-* и -*ла-* первый выражает направление «сюда» (*а-т-ңр-аа-ра* 'вылетать снизу (сюда)'), а второй — направление «туда» (*а-ла-га-ла-ра* 'внести в среду чего-л.'). Эти суффиксы способны из-

16 АБХА менять и семантику исходного глагола. Приведенные выше примеры демонстрируют модели: основа глагола + расширитель, преверб + основа глагола + расширитель. Одним из средств глагольного словообразования является инверсия – любое имя легко включается в глагольную парадигму: *а-хаҭа* 'мужчина', *д-хаҭа-уп* 'он мужчина (есть)', *а-хаҭа-ха-ра* 'становиться мужчиной', *а-хаҭа-заа-ра* 'быть женщиной'. Помимо редупликации основы одним из средств глагольного словообразования является геминация (удвоение) корневого согласного.

Словообразование существительных включает две основные модели – основосложение и суффиксацию. В основосложении выделяются следующие типы: сочетание двух основ существительных (*а-мца-бз* 'пламя', букв. 'огонь-язык'); основа существительного + основа прилагательного (*а-еы-гра* 'пегая лошадь'); основа существительного + основа глагола (*а-ҭла-р-куыку* 'дятел' – *аҭла* 'дерево' и *а-ку-ку-ра* 'рвать в клочки'); сочетание двух основ существительных с помощью соединительного элемента *-и-* (*а-че-и-ҭыка* 'хлеб-соль'), с помощью притяжательного аффикса (*а-ҭа-и-ҭа* 'внук', букв. 'сын-его-сын'). Встречаются и более сложные образования. Среди словообразовательных суффиксов наиболее продуктивными являются: *-га* с инструментальным значением (*артҭага* 'учебник' – *артҭара* 'учить'); *-өы* со значением деятеля (*аус-өы* 'рабочий' – *аусура* 'работа(ть)'); *-ра* для обозначения абстрактных имен (*аҭшза-ра* 'красота'); *-м* + *ҭа* со значением результата действия (*алага-мҭа* 'начало' – *алага-ра* 'начинать'); *-ҭа* с локативным значением (*аө-на-ҭа* 'жилище, помещение'); *-р* + *ҭа* в значении помещения или вместилища (*ачазы-рҭа* 'хлебопекарня' – *ача* 'хлеб', *аз-ра* 'печь').

Способами образования прилагательных также являются основосложение и аффиксация. В качестве примеров основосложения можно привести такие прилагательные, как *агуы-мбыл* 'бездущный' (букв. 'сердце не сжечь'), *ахы-ш* 'белокурый' ('голова' + 'белый'), *абаа-ҭсы* 'плохой' ('гнилой' + 'душа'), *агу-кы* 'обаятельный' ('сердце держащий'). Наиболее продуктивным суффиксом, образующим относительные прилагательные, является *-тә/-тәи*: *ашьха* 'гора' – *ашьха-тәи* 'горный'; *аҭсабара* 'природа' – *аҭсабара-тә* 'природный'. Другими аффиксами прилагательных являются: *-цәа* в значении оттенка ка-

кого-л. цвета (*ацәы-ҭаҭшь* 'красноватый' – *аҭаҭшь* 'красный'), *-за* в значении усиления признака (*ааиҭуа-за* 'ближайший'), *-да* в значении отсутствия, лишенности (*аөны-да* 'бездомный'), *-өы* в значении деятеля (*агун-ха-өы* 'обидчивый'), *-ху* в значении наделенности каким-л. качеством (*арыцҭа-ху* 'жалкий'), *-га* в значении носителя какого-л. качества (*агуҭцәа-га* 'надоедливый') и др. Нередко встречается аналитическое образование прилагательных по моделям: имя + причастие *змоу* 'имеющий' (*аинтерес змоу* 'интересный'), имя + *злоу* 'имеющий, содержащий в себе' (*амч злоу* 'могущественный'), наречие + *ҭиоу* 'сущий' (*ааиҭуа цҭиоу* 'близкий, недалекий'). Прилагательные могут быть образованы также посредством редупликации основы (*агаза-маза* 'наивный', при *агаза* 'дурачок', с меной *г* → *м*), либо инверсии (*аҭсуа* 'абхаз' – *аҭсуа жәлар* 'абхазский народ').

Сходно образуются и наречия. Среди типов основосложения преобладает редупликация: *лассы-лассы* 'часто', *хаз-хазы* 'врозь', *хара-бҭҭара* 'вразброс'. Примеры нередупкативного основосложения немногочисленны: *иахьа-н-тәара-к* 'весь (сегодняшний) день'. С помощью суффиксов *-за* (со знач. усиления качества или степени), *-ны*, *-ла* (с инструм. знач.), *-да* (обозначает отсутствие какого-л. признака), *-(м)куа*, *-уа*, *-шәа* (в знач. «подобно»), *-ха* образуют такие наречия, как *наза-за* 'навсегда', *иманшәала-ны* 'удачно', *маза-ла* 'тайно', *гүҭакы-да* 'бесцельно', *ҭымт-куа* 'молча', *икуеиҭеи-уа* 'блестя', *иыкурс-шәа* 'вскользь', *-ааҭса-ха* 'устало'. Очень распространено образование наречий от звукоподражательных и звукоименных дескриптивов с помощью суффикса *-хәа*, представляющего собой «застывшую» форму деепричастия глагола *ахәара* 'говорить', т.е. 'говоря, мол' (*афыр-хәа* 'быстро, моментально'). Этот суффикс может образовывать наречия и от некоторых недескриптивных слов (*цас-хәа* 'эле-эле, едза').

IV. Синтаксис. В А.я. имеются две структурные разновидности предложения – номинативная и эргативная, противопоставление которых выражается морфологически, посредством аранжировки субъектно-объектных показателей. При наличии в предложении сказуемого, выраженного переходным глаголом, классно-личные префиксы, служащие, наряду с порядком слов, главным средством выражения синтаксических отношений, располагаются в следующем порядке: О—(КО)—С—ГК (*сара лара ды-з-боит* букв. 'я ее ее-я-вижу';

сара и-л + зы-ка-с-цоит букв. 'я то-для нее-я-делаю'). В номинативной конструкции, где сказуемое выражено непереходным глаголом, порядок расположения субъектно-объектных аффиксов будет иной — С—КО—(КО)—ГК: сара иара с-и-а цаажэоит букв. 'я с ним я-с-ним-о том-говорю'. Обычным порядком слов в предложении является С—О—Г: ацкун ацла (и)ибоит 'мальчик дерево видит', хотя возможно и иное построение фразы.

Среди типов предложений выделяются простые предложения, предложения с инфинитивными обстоятельственными конструкциями (ари ангуалта... зыназа аргам ацэуара да-лагеит 'когда она то заметила, то совсем открыто начала плакать', инфинитивно-обстоятельный оборот ангуалта 'то когда она заметила'), сложные предложения с инфинитивными глаголами в функции придаточных предложений (сыла сыхуеит, убри акынтэ сзапхьом сара 'у меня болят глаза, поэтому я не могу читать'). Употребляются также разнообразные типы словосочетаний.

V. Лексика. Лексический состав характеризуется преобладанием исконной лексики, обслуживающей разнообразные потребности общества. В этих целях создано значительное число неологизмов, которые по большей части представляют собой кальки соответствующих русских терминов. Реже наблюдается использование диалектной или архаической лексики. С генетической точки зрения можно выделить слова, имеющие материальные соответствия в других языках абхазско-адыгской группы, и исконные лексемы, не обнаруживающие соответствий в родственных языках. Помимо исконной лексики, в А.я. вошло немало заимствований, в основном из турецкого и картвельских (груз. и мегр.) языков. Большая их часть вошла в активный слой лексики не ранее сер. XIX в. (кол-во праабхазских картвелизмов не превышает 30); процесс заимствования картвельской лексики с сер. 1950-х гг. практически прекратился. Турецкие словарные заимствования начали проникать в абхазскую речь с XVII в., их адаптация происходила вплоть до нач. XX в. В их составе немало слов арабского и персидского происхождения. Среди старых заимствований выделяются небольшие пласты лексики адыгского и староосетинского (аланского) происхождения. Наибольшее число заимствований — из русского как дореволюционного (астаршын 'старшина, староста', ацацелка 'поселок'), так и советского периода, включая большой объем интернациональной лексики

(акосмос 'космос', атеатр АБХА 'театр', абригада 'бригада' и т.д.). Имеется тенденция заменять ряд (поздних) русизмов их абхазскими кальками, либо, в отдельных случаях, более старыми турцизмами, ныне уже воспринимающимися в качестве принадлежности исконного словаря.

Состав традиционной топонимии Абхазии довольно однороден с точки зрения ее языковой принадлежности и находит объяснение на материале либо абхазского, либо родственных адыгских языков. Это относится к названиям населенных пунктов (например, Гагра из более старой формы Гакыра 'закрывающий побережье' — этимология В.Кварчия; Азэыбжэа 'Междуречье', Хуаста 'Хоста', букв. 'луко-морье'). Выделяется ареал топонимов с формантом -рыцшь, имеющих отчетливую концентрацию на С.-З. Абхазии (Гулрыцшь, Жэандрыцшь, Гагрыцшь). Из других топонимов частотны -та с локативным значением (Гудаута, Бзырта), -ра (Гагра, Ацандара), -рхуа букв. 'их холм' (Блабырхуа, Чаабалырхуа) и др. К А.я. (или шире — к абхазско-адыгским) принадлежат и основные гидронимы исторической Абхазии. Среди иноязычных топонимов можно упомянуть такие, как Пицунда, Қылашэыр (оба греч.), Чхуарта (мегр.), Соук-су (тур.).

Довольно богата абхазская антропонимия, в составе которой немало имен исконного происхождения: Ахра (муж.) 'скала', Амра (жен.) 'солнце', Наала (жен.) 'ладная', Хыбла (жен.) 'златоглазая', Хыцыс (жен.) 'золотая птичка', Шыханыкуа (муж.) 'ходок по горам', Сасрыкуа — по имени популярного персонажа нартского эпоса и др. Среди имен иноязычного происхождения имеются грузинские (Мзиа, Эсма, Циала), большая часть последних, в свою очередь, восходит к иноязычным — к арабскому, персидскому или тюркскому источникам (например, Жэраб//Зураб, Гиви, Тенгыз). Распространены и т.н. мусульманские имена, проникшие к абхазам от турок или от адыгов (Темыр, Фатма, Шабаткуа; последнее имя обязано посредству адыгских яз.). Некоторые имена адыгского происхождения ныне воспринимаются как архаичные. Весьма распространены и русские имена.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Грамматика абхазского языка: Фонетика и морфология. Сухуми, 1968; Ломтатидзе К.В. Абхазский язык//Языки народов

18 **АБХА** СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; *Март Н.Я.* Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Л., 1926; Русско-абхазский словарь/Под ред. Х.С.Бгажба. Сухуми, 1964; *Шакрыл К.С.* Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961; *Шакрыл К.С., Конджария В.Х., Чкадуа Л.П.* Словарь абхазского языка. Т. 1, 2. Сухуми, 1986; *Hewitt B.G.* *Lingua Descriptive Studies.* 2. Amsterdam, 1979.

В.А.Чирикба

АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Абхазско-адыгская (зап.-кавказская) группа кавказских (иберийско-кавказских) языков включает в свой состав пять языков: абхазский, абазинский, адыгейский, кабардинский и убыхский.

Носители этих языков до сер. XIX в. компактно населяли терр. Сев.-Зап. Кавказа и прилегающей части Зап. Закавказья (от устья р. Кубань на З. до р. Ингури и нынешнего г. Моздок на Ю.-В. и С.-В., а на С. и Ю. естественной границей этого этноязыкового ареала служили соответственно русло Кубани и Черное море). С.-З. данной территории занимали адыгские племена шапсугов, нутхайцев, абадзехов, темиргоевцев, бжедугов – западных черкесов и др.; поселения адыгов существовали также в Крыму. На С.-В. проживали кабардинцы, а на Ю.-В. – абхазы; между абхазами и шапсугами в р-не нынешнего г. Сочи жили убыхи, и, наконец, на сев. склоне Главного Кавказского хр., в басс. рек Большой и Малый Зеленчук и Кумы, селились абазины. Всего носителей абхазско-адыгских языков в сер. XIX в. насчитывалось, по видимому, ок. 1 млн чел., большую часть которых составляли адыги.

Кавказская война, которую в течение нескольких десятилетий вело царское правительство России за обладание Сев. Кавказом, внесла существенные изменения в этноязыковую картину этого края. В результате массовой эмиграции большей части абхазов и адыгов в пределы Османской империи территория их обитания на Зап. Кавказе сократилась до нескольких небольших областей, а убыхи и зап.-абхазское племя садзов и вовсе исчезли с этнографической карты Кавказа; в Турции убыхи полностью утратили родной язык.

Ныне носители адыгейского языка в основной своей массе проживают на терр. Республики Адыгея (РФ), в нескольких причерноморских аулах близ Туапсе и в пос. Лазаревском Краснодарского края России. Кабардинцы населяют терр. Кабардино-Балкарской Республики (РФ) и Карачаево-Черкесской Республики (РФ), а также ряд сел в Адыгее. Абхазы проживают в Абхазии и в нескольких селах Аджарии (Грузия), а абазины – в Карачаево-Черкессии, и, небольшое число, – в ауле Уляп в Адыгее. Общее число носителей А.-А.я. языков в РФ и сопредельных гос-вах св. 700 тыс. чел. (данные переписи 1989 г.). Более 1 млн абхазов и адыгов (из них количественно преобладают адыги) проживает в Турции, а также в странах Ближ. Востока – в Сирии, Иордании, Израиле; ок. 200 адыгов живет в авт. крае Косово в Югославии; колонии абхазов и адыгов имеются также в ряде стран Зап. Европы и США.

Исторические источники (в частности, сообщения античных, а затем византийских и др. авторов) свидетельствуют об автохтонности абхазов и адыгов на терр. Зап. Кавказа, что подтверждается данными археологии, антропологии и этнографии. Совокупность фактов языкового порядка, в первую очередь наличие общего лексического фонда в составе исконной лексики, а также выявляемые регулярные звукосоответствия между А.-А.я. указывают на то, что они происходят из единого источника, общего языка-предка (праязыка). Довольно трудно определить время существования и локализацию этого праязыка. Неясно также, сложился ли он в пределах Кавказа, либо прародина А.-А.я. находилась в ином месте, и уже оттуда далекие предки совр. носителей этих языков мигрировали в нынешние места их обитания. Расчеты показывают, что эпоху существования абхазско-адыгского праязыка можно отнести к нач. III тыс. до н.э. Анализ общего лексического фонда этих языков позволяет судить об уровне культуры народа, говорившего на праязыке – ему были уже знакомы лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, возделывание злаков и обработка металлов. Ряд ученых (начиная с Н.С.Трубецкого) обосновывают наличие генетических связей между А.-А.я. и *нахско-дагестанскими языками*. Некоторые же исследователи (В.Г.Ардзинба, И.М.Дунаевская, И.М.Дьяконов, Вяч.Вс.Иванов и др.) считают весьма вероятной возможность генетического родства А.-А.я. с языком хаттов – древнего народа, обитавшего в III – нач. II тыс. до н.э. на

С.-В. Малой Азии, образцы языка которого сохранились в хеттских клинописных табличках. Предполагается также родство языка хаттов с языком соседствующих с ними племен кашка и абешла (Г.Гиоргадзе), названия которых увязывают с античными и средневековыми наименованиями адыгов и абхазов: ср. др.-груз. *kašagi*, др.-рус. *косога*, осет. *koesæg* 'черкес, адыг', греч. *Ἀψίλαι*, лат. *Absilae* (назв. одного из др.-абхазских племен), др.-груз. *Apšil-eti* (назв. области в Абхазии), ср. также самоназвание абхазов — *aps-wa* (Г.Меликишвили). Если гипотеза о родстве хаттского языка с А.-А.я. подтвердится (чему мешает крайняя скудость имеющегося хаттского материала), это могло бы пролить свет как на время существования абхазско-адыгского праязыка, так и на проблему локализации его носителей.

Строго лингвистически корректно говорить о трех языковых единицах в рамках абхазско-адыгской языковой группы — адыгской, абхазско-абазинской и убыхской, поскольку адыгейский и кабардинский языки, с одной стороны, и абазинский с абхазским, с другой, близки между собой (степень близости абазинского и абхазского в целом несколько больше, чем адыгского и кабардинского). В то же время внутри зап.-кавказской языковой группы абхазско-абазинская и адыгская подгруппы по целому ряду параметров, и прежде всего по степени материальной близости, составляют как бы два полюса, тогда как убыхский занимает промежуточное положение (что соответствует и прежней геогр. локализации убыхов), будучи более близким к адыгским и абхазско-абазинским языкам, чем последние между собой. Своеобразие убыхского состоит и в том, что он, вопреки ожиданиям, почти не дает каких-л. средних, промежуточных форм, служащих связующими звеньями между адыгским и абхазским материалом, что существенно затрудняет реконструкцию зап.-кавказских праформ.

К поздней стадии общего зап.-кавказского языка относится выделение в нем по крайней мере трех диалектных групп — праадыгской, праабхазской и праубыхской. Некоторые исследователи полагают, что первоначально абхазско-адыгский праязык распался на две близкие, но уже достаточно обособившиеся языковые единицы — праабхазский и праадыгско-убыхский, и лишь впоследствии произошло деление последнего на праадыгский и праубыхский. Другие ученые придерживаются противоположного мнения — о разделении

праязыка сначала на праабхазско-убыхский и праадыгский языки с последующим разделением праабхазского и праубыхского. Характерной доминантой того социолингвистического фона, который сопутствовал развитию А.-А.я., являлось их тесное географическое соседство и непрерывный контакт в течение тысячелетий. Ситуация изменилась лишь в сер. XIX в. с исчезновением убыхского языка и садзского диалекта абхазского языка, представлявших зону интенсивного убыхско-абхазско-адыгского контакта и связывавших эти три родственных ареала. Такое длительное взаимодействие не могло не обусловить как консервации общих архаичных черт, восходящих к праязыковому единству, так и появления общих или параллельных инноваций; одним из следствий этого и явилось возникновение пласта лексики, обусловленного внутригрупповыми заимствованиями. Существенным фактором при этом являлось значительное и почти одностороннее влияние адыгских языков на убыхский, абазинский и (в гораздо меньшей степени) абхазский, с одной стороны, и абхазского на убыхский, с другой.

Распад праадыгского языка на две диалектные группы — западную (адыгейскую) и восточную (кабардинскую) — относится приблизительно к XIII–XIV вв., когда предки кабардинцев переселились с З., где они составляли единый этноязыковой массив с адыгейцами, на В., в пределы нынешней Кабарды. Предки кабардинцев вошли в контакт с ираноязычными аланами (предками осетин) и тюркоязычными племенами, в результате произошло выделение из состава кабардинских наречий бесленеевского диалекта, сохранившего ряд архаичных черт, связывающих его с адыгейским языком. К XV–XVI вв. по мере миграции части кабардинцев несколько дальше на В., к басс. р. Терек, относится деление кабардинского языка на говоры Б. и М. Кабарды. Еще позднее, в кон. XVIII — нач. XIX вв., другая группа кабардинцев (т.н. беглые кабардинцы) переселилась на Ю., к басс. р. Кубань, в р-н нынешней Карачаево-Черкессии, где они смешались с представителями различных адыгейских и частично абазинских племен; результатом этого явилось образование черкесских («кубано-зеленчукских») говоров кабардинского языка.

Время распада праабхазской языковой общности можно отнести приблизительно к рубежу XIV–XV вв., что было следствием миграции части абхазоязычного этноса с терр.

20 АБХА исторической Абхазии на Сев. Кавказ (в области, ранее занимаемые аvaraми и опустевшие после монгольского нашествия), и расселения вдоль притоков Кубани (Большой и Малый Зеленчук) и Кумы. Переселение, по-видимому, не носило характера единовременного акта, а происходило постепенно, в процессе чего различные абхазоязычные группы, перейдя через Главный Кавказский хр., переселялись на его сев. склон. Потомками этих переселенцев являются носители тапантского диалекта абазинского языка. Хотя в специальной литературе (преим. исторической) укоренилось мнение о том, что абазины и тапанты вышли из Сев.-Зап. Абхазии и прилегающих к ней областей, имеется ряд указаний на то, что в формировании тапантской группы абазин могли принимать участие и выходцы из Юж. Абхазии, о чем свидетельствуют выявляемые в тапантском диалекте заимствования из картвельских языков, в частности, из мегрельского. Значительно позднее, по-видимому, в нач. XVII в., происходит вторая волна миграции абхазоязычных племен на Сев. Кавказ из горных районов Абхазии, откуда и их наименование «ашхарцы» (абх. *a-šxarəwa*, абаз. *šqarawa* 'горец'). Вплоть до недавнего времени часть ашхарцев продолжала именовать себя «апсуа», т.е. абхазами. В целом, ашхарский диалект по совокупности параметров стоит гораздо ближе к юж.-абхазским диалектам, чем к тапантскому, наиболее обособленному от всех абхазско-абазинских наречий. Таким образом, распад праабхазской языковой общности происходил в два этапа: сначала выделился тапантский диалект, и уже значительно позже ашхарский, а затем бзыбский и абжуйский. Ашхарский в целом можно рассматривать как переходную зону между тапантским и юж.-абхазскими наречиями. В процессе контакта ашхарцев с тапантцами происходила определенная конвергенция их диалектов со все возрастающим воздействием тапантского, являющегося опорной базой абазинского лит. языка; сходство их усиливается также благодаря значительному влиянию на оба эти наречия со стороны кабардинского языка.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

I. Фонетика. А.-А.я. имеют все основания считаться классическими языками консонантного типа. Согласные в их фонологических системах А.-А.я. численно и функционально доминируют над гласными, достигая апогея в

убыхском (80–81 согласная), число же гласных фонем при этом не превышает двух-трех единиц.

Гласные в А.-А.я. противопоставлены не по тембру, а по степени открытости – закрытая *ə* и открытая *a*, в адыгских языках имеется еще и краткий гласный среднего подъема *ä*. Ряд ученых высказали мнение о наличии в А.-А.я. лишь одного гласного *a*. По другой версии этой теории, данные языки вовсе лишены универсального для языков мира противопоставления согласных и гласных, хотя для некоторых позиций (прежде всего – в безударном слоге) в этих языках можно констатировать нерелевантность гласных, либо моновокализм (к примеру, в бзыбском диалекте абхазского яз. возможны такие варианты слова «индейка», как *aš°aš°əj//aš°əš°əj//aš°š°əj*, где в безударном слоге очевидна нейтрализация гласных *a—ə* и нуля), тем не менее в позиции максимального фонемного контраста (для абхазско-абазинских и убыхского – в ударном слоге) ясно определяется двувокалическая и даже (для адыгских яз.) трехвокалическая система. В качестве примеров можно привести такие минимальные пары, как абх. *aç°á* 'яблоко' – *aç°ə* 'колышек'; *as* 'так' – *ása* 'меч' – *asə* 'снег'; *ax* 'винный осадок' – *áxa* 'колышек (для опоры вьющихся растений)' – *axá* 'но, однако' – *axé* 'голова'; адыг. *dān* 'шить' (неперех.) – *dən* 'шить что-л.' (перех.); *jəšān* 'вводить, ввозить куда-л.' – *jəšən* 'выводить, вывозить откуда-л.'; *wəna?* 'это дом?' – *wəná* 'это дом'. Данные примеры показывают реальность фонологического контраста между гласными *a, ə* в абхазском языке и между *a, ə, ä* в адыгейском и противопоставления их нулю. Результатом сочетания гласных с сонантами *j, w* является появление таких гласных звуков, как *i, e, u, o*, не обладающих статусом фонем.

Система зап.-кавказского консонантизма, типичная в своей основе для кавказских языков и представленная в классе шумных такими рядами, как лабиальный (*p, ɸ*), дентальный (*t, c, s*), альвеолярный (*č, š*), велярный (*k*), увулярный (*q, ʁ*) и ларингальный (*h*), обладает также смешанным дентально-альвеолярным (*č, š*) и латеральным (*l*; последний представлен также в дагестанских яз.) рядами. Кроме такой общекавказской триады значимых ларингальных артикуляций, как «звонкость—глухость (с придыханием)—глоттализованность» (например, *b—p(h)—p*), в двух адыгейских диалектах, бжедугском и шапсугском, имеется и четвертый член данной кор-

реляции — глухой непридыхательный (в иной терминологии «преруптивный»), например, $b-ph-p-r$. Особенностью же убыхского языка является наличие такого редкого фонационного контраста, как «нефарингализованный—фарингализованный» ($b-\bar{b}$, $p-\bar{p}$, $r-\bar{r}$), который охватывает лабиальный и увулярный ряды. Помимо этого, система согласных зап.-кавказских языков усложняется за счет дополнительных тембровых корреляций — огубления (лабиализации) и смягчения (палатализации); последняя, однако, в кабардинском утрачена.

Глоттализированные имеются во всех рядах смычных и аффрикат; весьма редким для Кавказа является наличие глоттализированных спирантов в адыгских языках (t^{h} , s^{h} , ʃ^{h} в адыгейском, а также ʃ в его шапсугском диалекте; t^{h} , s^{h} , f в кабардинском) и абхазско-абазинских диалектах (f — в ашхарском и в говорах абжуйского диалекта). Лабиализация характерна для всех рядов, кроме латерального и лабиального (искл. — огубленный глоттализированный p^{h} в адыгейском и пережиточно в ашхарском диалекте абазинского яз. и огубленный f^{h} в шапсугском диалекте адыгейского яз.) рядов. Палатализация охватывает альвеолярный (c , ʃ), велярный (k) и увулярный (q , x) ряды, хотя палатализованные последних двух рядов в адыгских языках не сохранились, а q отсутствует и в абхазско-абазинских. Своеобразным является положение кабардинского языка, полностью утратившего корреляцию смягчения. В абадзехском диалекте адыгейского палатализация охватила и ларингальный ряд — здесь имеется такая весьма редкая фонема, как палатализованная глоттальная смычка (ʔ^{h}), происходящая из адыгской аффрикаты c^{h} . В адыгских языках утрачены простые и палатализованные (за искл. шапсугского диалекта адыгейского яз.) велярные смычные; простые велярные отсутствуют и в убыхском. В увулярном ряду во всех языках отсутствует звонкий смычный, в абхазском сохранились лишь глоттализированные члены этого ряда (q^{h} , $\text{q}^{\text{h}'}$, $\text{q}^{\text{h}^{\circ}}$), а в адыгских языках нет палатализованных увулярных. Дентально-альвеолярный (свистяще-шипящий) ряд сибилантов присущ всем языкам данной группы, но в убыхском и бзыбском диалектах абхазского он представлен в наиболее развернутом виде — десяти фонем (z , z^{h} ; s , s^{h} ; z , z^{h} ; c , c^{h} ; c , c^{h}); зато только адыгские языки обладают глоттализированными спирантами этого ряда (s , s^{h} ; последний имеется только в адыгейском). Латеральный ряд не представлен

в абхазской подгруппе. Что же касается ларингального ряда, то глоттальная смычка характерна для адыгских и абазинских языков, тогда как в абхазском она относится к периферии фонемной системы, встречаясь лишь в междометиях и подзвонных словах. Ларингальный спирант представлен везде эмфатизированными звукотипами (h в адыгских яз.; h , h° в абхазском; h , h° , h , h° в абазинском); в убыхском данный ряд фактически отсутствует. Сонорные не отличаются своеобразием, что типично для кавказского фонологического типа (m , n , l , r , j , w). Особенностью является лишь отсутствие l в убыхском и адыгском языках.

Алфавиты лит. А.-А.я. основаны на кириллице, однако они весьма далеки от единообразного выражения фонем, составляющих общий фонд этих языков. Особенно это относится к абхазскому, алфавит которого, в отличие от графических систем родственных языков, восходит к разработанной в 1862 г. русским кавказоведом П.К.Усларом системе, основанной на использовании, помимо стандартных графем русского алфавита, разнообразных диакритик, а также букв, отсутствующих в русском алфавите. Но даже и между весьма близкими алфавитами адыгейского и кабардинского языков полного единообразия нет. Наибольшее кол-во различий между алфавитами абазинского и абхазского. В графических системах всех письменных зап.-кавказских языков в целом выдержан фонологический принцип письма — отдельная графема (или их сочетание) соответствует отдельной фонеме.

Из общих структурно-типологических тенденций развития А.-А.я. в области фонологии можно отметить тенденцию к фонологизации отсутствующих в исконной системе фонем гласных i , e , o , u , усиливающуюся под влиянием заимствований (преим. из рус. яз.), содержащих указанные гласные. Этот процесс подкрепляется также почти полным национально-русским двуязычием.

Ударение в А.-А.я. носит экспираторный характер, позиция его в большинстве случаев не является фиксированной. Релевантно оно в общем лишь для языков абхазской подгруппы и в меньшей степени для убыхского. Помимо этого, в тапантском диалекте абазинского отмечены следы значимых тональных противопоставлений.

Излюбленной моделью корневой морфемы является CV, хотя нередки и такие структур-

22 АБХА ные типы, как С, SVC, CVCV. Комплексы согласных внутри морфемы немногочисленны, число элементов комплекса обычно не превышает двух-трех единиц; наличие большего кол-ва согласных нередко служит указанием на историческую членность (производность) данной морфемы. Весьма распространены комплексы типа «губной + С», где С – символ согласного (*ps, pś, pš, px, pr, pq, pg, bz, bź, bž, bl, mr*), а также «дентальный + С» (*šx, čx, tx, st, dɣ, zy*).

II. Морфология. Зап.-кавказские языки относятся к агглютинативному типу – словоформа состоит из цепочки морфем, как правило, моносемантических. Особенностью этих языков является их полисинтетизм: к глагольной основе прилагается целый ряд пре- и посткорневых аффиксальных морфем, причем позиция каждого из аффиксов по отношению к корню и друг к другу строго фиксирована. Так, например, во всех языках этой группы первое место слева от глагольного корня закреплено за аффиксом каузатива (побудительности), второе – за аффиксом отрицания и т.д. Полисинтетический комплекс глагольной словоформы может быть функционально тождествен целому предложению: адыг. *sə-b-dā-ḱ-ā-n-āp* 'я не выйду за тебя замуж' (букв. 'не пойду с тобой'); абх. *ja-sə-z-wə-ta-wa-m* 'то я не могу тебе дать'; убых. *sə-wə-n-ŋ-ā-n* 'она меня тебе отдает'. Разительной особенностью абхазского и абазинского языков, неизвестной другим языкам группы, является наличие категории грамматических классов в глаголе, системе местоимений и числительных. В абхазско-абазинских различаются классы «человек–нечеловек», причем класс человека в свою очередь подразделяется на подклассы мужчин и женщин. Во всех языках группы отмечается недостаточно четкая морфологическая дифференциация имени и глагола. Любое имя, в принципе, может быть включено в парадигму глагола (ср. абх. *awajʰə* 'человек' – *də-wajʰə-wəp* 'он человек (есть)', *awajʰə-xa-ra* 'становиться человеком, очеловечиться'; адыг. *pśasādxā* 'красивая девушка' – *wə-pśasādxā-xə* 'ты была красивой девушкой'). С другой стороны, глаголу (например, в форме масдара) могут быть присущи такие словоизменительные черты, как possessивность, инструменталис, число, категория определенности–неопределенности, склонение (последнее – только в адыгских яз.).

Глагол является стержнем морфологической системы. Для глагола характерна поли-

персональность – он может включать в свою словоформу показателя двух и более лиц, причем аранжировка личных аффиксов зависит от его переходности или непереходности. Число субъектно-объектных показателей при глаголе может достигать четырех и даже пяти (ср. адыг. *j-a-fä-ç-aʰə-x* 'то для них я сделал'; убых. *a-z-baça-nā-bzaŋga* 'то подо мной они привязали' – три лица; абх. *ja-wə-zə-l-sə-r-zaxoŋ* 'то для тебя ее я заставляю шить' – четыре лица; адыг. *s-ə-a-fə-ə-də- r-ja-xā-sʰaɣ* 'он заставил его отвести меня к ним вместе с ним' – пять лиц; последняя форма, однако, не является вполне естественной для нормальной речи). Всем абхазско-адыгским языкам присущи такие глагольные категории: переходность–непереходность, динамичность–статичность, финитность–инфинитность, каузативность, версия, союзность, взаимность, потенциалис, произвольность. В абхазском и абазинском переходные и непереходные глаголы формально не дифференцированы, различаясь семантически, тогда как в адыгских языках данное противопоставление носит также и формальный характер – эти классы глаголов могут отличаться различной огласовкой корня (т.е. посредством аблаута), ср. адыг. *txā-n* 'писать', *dā-n* 'шить', *ḱā-n* 'идти' – *txə-n* 'писать (что-то)', *də-n* 'шить (что-то)', *ḱə-n* 'пройти (что-то)'. Во всех языках имеется группа лабильных глаголов, которые способны включаться в парадигму и переходных и непереходных глаголов; число их невелико. Каузативный аффикс способен трансформировать непереходный глагол в переходный; абх. *d-ŋojt* (неперех.) 'он садится' – *d-sə-r-ŋojt* (перех.) 'я его усаживаю'; адыг. *wə-kā-šʰt* (неперех.) 'ты пойдешь' – *wə-z-xā-ḱā-šʰt* (перех.) 'тебя я пошлю/заставлю пойти'.

Статические глаголы лишены целого ряда видо-временных форм, присущих динамическим глаголам. Общим показателем динамичности является *wa* (в абхазско-абазинских и убыхском – суф., в адыгейском – преф.). В глаголе проводится различие субъектной и объектной версий. Характерным для всех зап.-кавказских языков является формальное совпадение показателя версии и потенциалиса (возможности). А.-А.я. изобилуют превербами, которые выражают направление действия (например, движения), или место его совершения. Ряд глаголов способен функционировать лишь в сочетании с превербами. Времена выражаются посредством суффиксации. Общим для всех зап.-кавказских языков является различение таких времен, как настоящее,

прошедшее неопределенное, прошедшее совершенное, давнопрошедшее, будущее I и II. Среди наклонений выделяются изъявительное, вопросительное, отрицательное, повелительное, желательное, условное и др. Показателем отрицания при глаголе во всех языках группы является *-m*, который в глагольной словоформе может занимать пре- или посткорневую позицию. В адыгейском языке, помимо *-m*, имеется также суффикс отрицания *-p*. Число в глаголе выражается соответствующими личными аффиксами, а в убыхском, помимо этого, также посредством различной огласовки корня, либо супплетивными корнями для ед. и мн. числа.

Причастие и деепричастие образуются префиксальным, суффиксальным или префиксально-суффиксальным способами, им присуща категория лица, числа, времени; в адыгских языках — также и категория падежа.

В имени различаются категория посессивности (притяжательности), определенности — неопределенности, числа, падежа (последняя отсутствует в абаз. и абх. яз.). Притяжательные префиксы этимологически связаны с соответствующими личными местоимениями. В абхазском и абазинском притяжательные префиксы выражают не только лицо и число, но и грамматический класс. В адыгейском личные показатели подразделяются на аффиксы органической (например, части тела) и неорганической (имущественной) принадлежности. Показателем определенности в абазинском и убыхском служит артикль *a-*: абаз. *a-čə*, убых. *a-čə* '(опред.) лошадь', а в адыгских языках — (падежные) суффиксы *-r*, *-m*: *šə-r*, *šə-m* '(опред.) лошадь'. В абхазском определенный артикль сохраняется лишь пережиточно, ср. *Maršan* 'фамильное имя Маршан' — *á-Maršan* '(опред.) лицо из фамилии Маршан'. Неопределенность в адыгских языках выражается нулевой морфемой, в абхазско-абазинских — посредством суффикса *-k*: *čə-k* '(некая) лошадь', а в убыхском — с помощью нулевой морфемы (*x'ə* 'князь'), либо префикса *za-* (от числ. *za* 'один'), нередко сопровождаемого суффиксом *-g'ara*: *za-x'ə//za-x'ə-g'ara* '(некий) князь'. Мн. число выражается в адыгских языках посредством суффикса *-xä* (в сочетании с морфемой падежа, ср. *šə-xä-r* 'лошади'). В абхазском и абазинском суффиксы множественности дифференцированы по классам: суффиксы *-c'a*, *-(r)aa* (абх.), *-č'a*, *-rha* (абаз.) обслуживают имена, относящиеся к классу человека, а суффикс *-k'a* — имена класса нечеловека; впрочем, последний суф-

фикс может быть придан и существительным класса человека (абх. *awəswə-c'a* 'рабочие', *aw-aa* 'люди', *ab-raa* 'родители невестки', *anar-k'a* 'руки', *ač'arkáz-k'a* 'черкесы'; абаз. *an-k'a* 'матери'). Наконец, в убыхском языке число выражено либо нулевой морфемой, либо посредством различной огласовки личных аффиксов или падежных окончаний. Категория падежа развита только в адыгских и убыхском языках, тогда как в абхазском и абазинском мы встречаемся лишь с зачатками некоторых падежей (например, инструм., ср. *a-laba* 'палка' — *laba-la* 'палкой'). В адыгских языках различаются именительный, эргативный, творительный и превратительный падежи, передаваемые, соответственно, суффиксами *-r*, *-m*, *-(m)č'a* и *-w(ä)*. В убыхском именительный падеж выражается нулевой морфемой, а эргативный — суффиксом *-n*, который, подобно адыгской морфеме эргатива, способен передавать также локативные значения.

Система счета в А.-А.я. двадцатиричная. В абхазском и абазинском основам числительных приданы соответствующие классные суффиксы — *-j'ə* для класса человека: *f-j'ə* 'шесть человек', и *-ba* (> *-pa*) для класса нечеловека: *f-ba* 'шесть (животных, предметов и т.п.)'. В кабардинском и убыхском сосуществуют как двадцатиричная, так и десятиричная системы счисления. Местоимения подразделяются на личные, указательные, притяжательные, вопросительные, определительные, неопределенные. В абхазско-абазинских во всех местоимениях, кроме указательных и определительных, различается категория класса. Отрицательные местоимения в зап.-кавказских языках отсутствуют.

IV. Синтаксис. А.-А.я. относятся к числу эргативных. В адыгских и убыхском при глаголе имеются субъектно-объектные показатели, соответствующие специальным падежным окончаниям номинатива и эргатива. В абхазском и абазинском такие падежи отсутствуют, а эргативная и номинативная конструкции выражаются только посредством соответствующей аранжировки классно-личных показателей в глагольной словоформе, их порядок расположения задается переходным или непереходным характером глагола. Обычно в простом предложении присутствует лишь один глагол в финитной форме, который является организующим центром всего предложения. В функции придаточных предложений используются различные инфинитивные формы глагола без подчинительных союзов (типа

24 АБХА «что», «зачем», «поэтому», «так как» и т.п.). Обычным (т.е. нейтральным) порядком слов является S—O—V (существительное, дополнение, глагол).

V. Лексика А.-А.я. состоит из исконного и заимствованного пластов. Хотя исконный пласт представлен относительно небольшим составом исходных корней, их широкие комбинаторные возможности (способность к образованию новых слов посредством сочетания двух и более корней, а также посредством аффиксации), наряду с развитой синонимией и полисемией, обуславливают лексическое (в т.ч. и терминологическое) богатство исконного лексикона, отвечающего потребностям совр. общественной жизни. Среди усвоенной лексики заметный слой составляют тюркские заимствования (в т.ч. и арабско-персидские слова, усвоенные через посредство тюрк. яз.). Помимо этого, в абхазском и в гораздо меньшей степени в абазинском имеется слой лексики картвельского происхождения. Убыхский и абазинский лексиконы испытали значительное влияние со стороны адыгских языков, причем заимствованными порой оказывались не только слова, но и грамматические элементы; в абхазском адыгские заимствования не столь многочисленны. Во всех пяти языках выявляется небольшое число аланизмов. Хронологически наиболее поздний, но количественно и функционально весьма значительный слой составляют заимствования из русского (за искл. убыхского языка, не испытавшего русского языкового влияния). В целом удельный вес тюркско-арабско-персидских слов в абхазском не столь велик, как в других языках данной группы; это касается также русских заимствований. Влиянию русского письменного языка можно приписать тенденцию к усложнению синтаксических конструкций, что характерно прежде всего для стиля научной и переводной литературы. Заметны пуристические тенденции, выражающиеся в замене целого ряда заимствований исконным материалом. Для этого привлекаются как ресурсы диалектной или архаичной лексики, так и богатые словообразовательные возможности языка; в совокупности это приводит к появлению значительного числа неологизмов (часто образованных посредством калькирования).

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Балкаров Б.Х. Введение в абхазско-адыгское языкознание. Нальчик, 1979; Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыг-

ских (черкесских) языков. М., 1981; Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989; Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 1, 2. М., 1977; Шагиров А.К. Материальные и структурные общности абхазско-адыгских языков. М., 1982.

В.А.Чирикба

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Аварский язык представляет собой самостоятельное ответвление аваро-андо-цезской подгруппы нахско-дагестанской группы кавказских (иберийско-кавказских) языков (см. *Нахско-дагестанские языки*). Наиболее близок к андийским языкам (авар. *мацц* ~ анд. *мицц* ~ цез. *мец* 'язык'; авар. *гьоцц* ~ анд. *гьунцц* ~ цез. *нуци* 'мед'; авар. *цц* ~ анд. *цц* ~ цез. *ца* 'звезда' и т.п.).

Этноним авар, по распространенной версии, восходит к бытующему во многих языках Востока слову со значением 'беспокойный, бродяга'. В научной литературе была предложена гипотеза о связи данного этнонима с именем Авар — царя раннесредневекового государства горцев Серир, упоминавшегося в сообщении географа Ибн-Русты (X в.). Термин *магларул* (ср. *магларул* *мацц* 'аварский язык', букв. 'горский язык' или 'язык горцев', на основе которого П.К.Услар предлагал термин «маарульские языки»), по некоторым предположениям, первоначально относился к аварцам, населявшим высокогорную часть Аварии, и противопоставлялся термину *хьиндалал*, обозначавшему жителей долин рр. Аварское и Андийское Койсу, занимавшихся земледелием и садоводством. Предполагают, что исконным для обозначения аварцев был термин (*гь*)*алби* (ср. совр. авар. *гьобол* 'гость'), сохранившийся в ряде андийских языков; из других названий ср. груз. *хундзури эна* 'хунзский язык' (т.е. язык жителей Хунзаха), бежт. *хумуз миц* (при *бархал* 'аварцы', видимо, первоначально 'жители Балхар'), лак. *яру маз* 'аварский язык' (*яру* 'верхний'?).

Первоначально (возможно, до XV в.) территория распространения А.я. включала басс. рр. Аварское Койсу и Кара-Койсу, а также левый берег Андийского Койсу до Салатавского хр. и правый берег в ее ниж. течении. В XV—XVIII вв. в результате миграционных процессов эта территория расширилась в вост.